

АДЕЛЬ ХАЙД

История ИРЭН

КНИГА 2 ГНЕВ

Адель Хайд

История Ирэн 2. Гнев

«Литнет»

2024

Хайд А.

История Ирэн 2. Гнев / А. Хайд — «Литнет», 2024

Много всего у Ирэн Виленской-Лопатиной, строятся фабрики, развивается литейное дело, храм опять же надо возводить. А вокруг сжимается кольцо из шпионов Бротты, да ещё Понзское княжество своего красавца-шпиона прислало. Император не знает защищать Ирэн или проверять тщательней. Едет от императора ещё один тайный советник. Впереди поездка в столицу по приглашению императора. Как примет Ирэн столичное общество? А как же любовь? С мужем непонятно всё, вокруг много интересных мужчин, есть из кого выбрать, да попаданке Ирине некогда, дел много... Первый том серии За обновлённую обложку спасибо большое ShellArt

© Хайд А., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	9
Глава 3.	13
Глава 4.	17
Глава 5.	21
Глава 6.	25
Глава 7.	29
Глава 8.	34
Глава 9.	38
Глава 10.	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Глава 1.

Книга 1 История Ирэн. Отрицание (бесплатно) читать здесь <https://litnet.com/shrt/hMt4>

Утро было прекрасное, в окно ярко светило солнце, Ирина потянулась и вспомнила, что вчера пришло приглашение императора. Там ещё было упоминание о мануфактурной выставке, на которой будет производиться отбор для всемирной выставки, которая будет проводиться в ноябре в Бротте. К письму императора было приложено письмо от директора Департамента Торговли и мануфактур некоего князя Тенишева В. Н. о том, что для обладателей «привилегий» будет выделено место, они должны заполнить заявку и написать, что будут представлять на выставке. Была приложена форма заявки.

Помимо письма было приложено письмо, в котором уведомлялось, что Российская империя, будет включать в себя название Стоглавая, показывая всему миру, что преимущество империи теперь не только в размерах и ископаемых, но и в технологиях. Все эти направления описывались как «головы» империи и переименование было подписано императором. И с даты подписания можно называть Российскую империю Стоглавой империей. Письмо ещё содержало следующие строки:

«Лопатин Леонид Александрович и Лопатина Ирэн Леонидовна, за вклад в развитие технологической «головы» империи, будут представлены к высочайшим наградам»

– Надо бы обсудить с отцом, – подумала Ирина, даже не замечая, что уже не добавляет про себя, с «отцом Ирэн», как делала это раньше. Про награды услышать было удивительно и приятно. Название Стоглавая напомнило Ирэн «златоглавое» и неожиданным образом понравилось.

Совершив привычный утренний обход, только уже в сопровождении двух охранников, выделенных Никодимом, которые теперь сопровождали Ирину везде внутри поместья. А, если она выезжала, то охраны становилось в три раза больше.

На завтрак спустилась и Анна, нога её заживала довольно быстро, и Анна уже почти не опиралась на костыль, но пока держала его при себе.

Начали обсуждать письмо императора, Анна тут же задала кучу вопросов, и Ирина поняла, что ей необходима консультация не только от отца, но и от Анны, а может даже от кого-то более опытного в женских делах подготовки к столичным сезонам.

Обсудили с отцом, что необходимо продумать что будут брать, и где размещаться в столице. Анна сразу отметила, на время сезонов вариантов жилья в столице крайне мало и пригласила Ирэн с отцом остановиться у них в имении.

– Хорошая всё-таки девочка, – подумала Ирина, и как можно мягче спросила, – Анна, тогда надо спросить твоего отца, не будет ли он против?

Девица Строганова сначала вскинулась, будто собираясь опротестовать этот вопрос, ставший под сомнение её возможность что-то решать самой. Но потом потупилась, понимая, что действительно, возможно, поспешила. Она же так и не призналась Ирине, зачем приехала в Никольский уезд. И насколько «случайной» была их встреча.

На самом деле, Анна нашла в Ирине настолько родственную душу, что периодически забывала, кто такая Ирэн, и почему она вынуждена жить здесь в Никольском уезде в поместье отца. И вот сейчас осознание пришло, что отец может и не согласиться принять у себя бывшую супругу Виленского.

– Тогда вам надо снять дом или поговорить с кем-то у кого есть дом в столице, – не сдавалась юная баронесса Строганова.

Решили, что отец уточнит у наместника Никольского уезда, у которого был небольшой особняк в столице, возможно он согласится его сдать на пару месяцев. Да-да, майские сезоны длились до конца июня.

После завтрака пошли в кабинет, который Ирина делила с Леонидом Александровичем. Стали обсуждать, что повезут. По всему выходило, что везти надо всё и спички, и серебро, и мыло, и булатные клинки.

– А кримы? – раздалось возмущённое от Анны, которая «хвостиком» ходила за Ириной, – кримы будут крайне востребованы в столице.

Анне уже посчастливилось опробовать на себе некоторые опытные образцы, хотя Ирина и не хотела этого делать на родовой гостье, но Строганова вцепилась в баночки и не отдала.

– Надо плуг везти, если всё пройдёт успешно, хотя Иван Иванович уже опробовал на влажной земле и сказал, что к посевному сезону будет только лучше, – произнесла Ирина озадаченным тоном, потому что представила, как они поедут в столицу этаким караваном, гружённым всяким добром, и с ними и Тимофеем, и Павел, и Феррати...

Решила пока не озадачиваться, и сосредоточится на текущих проблемах. А дел было очень много. В Никольском полным ходом шёл ремонт старой мыльни, и Ирина планировала его завершить через две недели. Чтобы это сделать нужны были ещё средства, но имевшиеся Ирина отложила на храм, поэтому решила, что ей нужен ещё партнёр на мыло, который как Голдеев принесёт с собой капитал. Но Голдеева на половину партнёрства Ирина брать не хотела. Он, конечно, мужик деловой, но уж очень неоднозначный, как акула, пока сытый, не опасен, но, если что, то может и сожрать. Можно было взять Голдеева и ещё кого-либо, чтобы уравновесить и привлечь больше капитала.

Весь день Ирина делала расчёты, потом играла с Танюшей и братьями. Если бы кто-то из мира Ирины увидел их игру, то сразу бы определил, что это бродилка. Из двух братьев, Дмитрий, тот у кого волосы были темные, имел отличную способность к рисованию, вот Ирина и дала задание братьям, нарисовать карту Стоглавой, а потом они все вместе расставили ходы, через леса, через горы, моря, болота.

Карта была нарисована на тонкой фанере и по размеру была довольно большой, поэтому хранилась «стоя», а играть все предпочитали на полу. В этом мире уже были так называемые игральные «кости», поэтому с определением количества шагов вопросов не возникло. Тимофеем для каждого сделал именные фишки. У Вани с Димкой это были рыцари, белый и чёрный, по цвету макушек, у Танюши, которая играла, пока вместе с мамой или Глашей, был зайчик, а у Ирины лебедь. Были ещё запасные фишки, если вдруг Леонид Александрович решал присоединиться. Но такое случалось нечасто, поэтому группа играющих обычно состояла из братьев, Ирины и Танюши с Глашей.

Кстати, карту рисовали под руководством нового гувернёра, поэтому географически всё было выверено.

Сегодня к ним присоединилась Анна, которая продолжала восхищаться умом и фантазией Ирины и всё больше убеждалась, что барон просто не может отказаться от такой женщины. Да и ей самой барон Виленский уже не казался тем единственным вариантом, который она себе придумала, под воздействием причитаний маменьки и тёток. И когда появлялись такие мысли, память подбрасывала образ доктора Путеева, больше похожего на какого-то рыцаря, чем на медикуса. Высокий, с орлиным профилем, чувственными полными губами, широкими плечами и нежными руками. На этом моменте своих размышлений, Анна, даже будучи наедине с собой, всегда заливалась краской.

За окном уже начало темнеть, в дверь постучался слуга, приглашая заигравшихся на ужин. Пока ждали мальчишек, которые убежали мыть руки, Ирина обратила внимание на грусть на лице Анны:

– Аннушка, а что ты грустная, задумчивая?

Строганова замялась и выдохнув сказала:

– Что-то Николай Ворсович сегодня не приехал, вот, думаю, не обидела ли я его вчера.

– Да уж, – подумала про себя Ирина, которая не знала радоваться или огорчаться, что у Путеева и Строгановой возникли чувства друг к другу, скорее всего родня Анны такой мезальянс не одобрит, и не навредит ли это Ирине и её семье?

А вслух сказала:

– Николай Ворсович глава уездной больницы, дел у него очень много, возможно срочный пациент. Я завтра еду в Никольский по делам, могу заехать в больницу, узнать.

Анна вцепилась в руку Ирины:

– Ирэн, прошу, возьмите меня с собой! Я уже хорошо, хорошо себя чувствую, вы же обещали!

Ирина вспомнила, что она и вправду обещала взять Анну с собой, познакомить с Софьей Штромбель, да и хромота Анна уже не так сильно. Тем более, что Леонид Александрович тоже едет, поэтому, в случае чего поможет, поддержит. И Ирина согласилась. На лице у Строгановой расцвела довольная улыбка. А Ирина подумала:

– Как же, в сущности, мало человеку надо для счастья...

Москов. Кремль. Утро того же дня.

Этим же утром барон Виленский обнаружил себя в гостевых покоях императорского дворца в Кремле. На небольшом диванчике в этих же покоях прикорнула Елена Михайловна. Возле кровати, на стульчике сидела женщина в белом халате и платке.

Виленский как ни пытался ничего не мог вспомнить, воспоминания обрывались на моменте, когда он получил записку от императора и, одновременно испугался, и обрадовался. Испугался, потому что было написано рукой Александра и только одно слово – срочно. А обрадовался, что появилась возможность сбежать от надоедливой леди Бейкер.

Виленскому очень хотелось пить, но слабость была невероятная и ему пришлось разбудить сиделку. Вместе с сиделкой проснулась и сестра.

– Сережа, прости меня, прости, я не хотела, – запричитала Елена Михайловна, не дождав-шись пока он допьёт воду, поднесённую сиделкой.

– Лена, сядь, не кричи, – от причитаний сестры у Виленского заболела голова и он поморщился. Сиделка тут же отреагировала и со словами:

– Сейчас доктора позову, – выскользнула из покоев

Но старшая Виленская не собиралась садиться, напротив, она рухнула на колени и с пока-янным видом поползла к кровати на которой лежал барон.

– Прости меня Серёжа, это же я змею в дом привела, а... – дальше продолжить она не смогла, потому что баронессу начали душить рыдания

Но Виленский перебил сестру:

– Лена, успокойся, сядь и всё мне расскажи, я ничего не помню

Но рассказать Елена Михайловна ничего не успела, пришёл доктор и стал осматривать и обстукивать пациента, при этом приговаривая:

– Да вы, Сергей Михайлович, в рубашке родились, можно сказать второй день рождения у вас сегодня. Ведь если бы вы во дворец сразу не приехали, то всё, хоронили бы вас на третий день

Со стороны уже почти успокоившейся Елены Михайловны снова раздались рыдания.

Дверь распахнулась и в комнату вбежал император:

– Серж, как же ты нас напугал!

Император остановил, попытавшегося подняться Виленского и обнял его.

Затем, император попросил всех, включая сестру барона, покинуть покои и когда все наконец вышли, присел на кровать и стал рассказывать

Оказалось, что леди Бейкер Броттская шпионка и она подсыпала Виленскому какой-то яд. Какие цели преследовала женщина было неясно, но к ней сейчас поехали, должны арестовать и допросить.

– А сестра твоя дура, – вдруг зло произнес Александр Третий, – женить тебя решила.

Виленский привстал, собираясь что-то сказать, но император не дал ему ответить, продолжив:

Лежи, выздоравливай, а про женитьбу твою ещё поговорим, сейчас главное ты жив, набирайся сил. И доктору спасибо скажи, всю ночь тебя поил лекарством.

К дому Ставровского подъехала карета тайной службы, из неё вышло четыре человека в тёмных камзолах. Они прошли в дом, князя Ставровского не было, он рано уезжал на службу. Вышла его супруга, её попросили проводить мужчин в комнаты леди Бейкер.

Понимая, что людям из тайной канцелярии не отказывают, супруга Ставровского приказала дворецкому проводить их к комнатам, которые занимала «дальняя родственница» князя. Сама пошла следом.

Когда агенты вошли в комнаты, то обнаружили, что там никого нет. Вещи были раскиданы в беспорядке, как будто собирались в спешке.

Леди Бейкер исчезла...

Дороги Читатели!

История Ирэн продолжается. Спасибо, что остаётесь со мной и с героями книги. Всегда рада вас видеть на своей странице.

Глава 2.

С утра, сразу после завтрака, Ирина, Леонид Александрович и Анна Строганова, сменившая деревянный костыль на изящную чёрную трость, поехали в уездный город. Ирина решила по пути заехать к помещице Красновой, чьё поместье располагалось в стороне от дороги на город, но крюк был небольшой.

Лидия Артамоновна была дома и, хотя гостей не ждала, с радостью приняла Лопатиных вместе с их молодой гостьей. Анна представилась и у Красновой немного «вылезли» глаза, когда та поняла, кого с собой привезла Ирэн. Но Ирина покачала головой, давая понять, что не надо поднимать эту тему. Ирине нравилась Анна, и ей хотелось, чтобы девушка сама ей открылась. Конечно, можно было не останавливать Краснову, и та бы с присущей ей прямолинейностью «раскрыла» всем, что Строганова невеста Виленского. Но как бы тогда чувствовала себя Анна, да и отец, наверное, расстроился бы.

У Красновой был кофе, здесь его называли «кофей», Ирина это помнила ещё с прошлого раза и не отказалась, когда та предложила. Обычно женщины предпочитали кофей со сливочками, но Ирина, ещё в прошлой жизни, всегда пила чёрный и без сахара. Ей казалось, что сахар и молоко «убивают» вкус кофе. Ещё Ирине очень нравился итальянский вариант эспresso, который наливали по напёрстку. Он был очень крепким, но вкус невероятный. Жаль много его пить было нельзя, уже после двух порций сердце принималось стучать в два раза быстрее.

Зная, что Краснова не любительница этикетов и долгих «реверансов», Ирина сразу приступила к разговору. Но не успела произнести предложение, только начала говорить про фабрику, как Лидия Артамоновна её перебила и сообщила, что она «согласная».

Глядя на удивлённые лица Ирэн, её отца и даже Анны, помещица развела руками и сказала:

– А что? Я так понимаю, ты Ирэн, за партнёрством у меня спрашивать приехала? И чего тянуть? Ежели я согласная и ждала, когда предложишь! Капиталы есть, а в твои задумки вкладывать выгодно. Я в тебя верю!

Ирине нравилось, как иногда Лидия Артамоновна переходила на какой-то одной ей известный говорок, начиная немного коверкать фразы и слова, но слушалось это, особенно с её громким низким голосом, интересно.

Дальше разговор был про доли и оформление. Ирина сразу сказала, что ещё хочет привлечь Голдеева. Но Краснова её отговорила, посмотрев на цифры и деловито сообщив, что им хватит средств, даже без привлечения капитала Голдеева.

– Привлечи его торговый дом, в производстве сами будем, а торговлей пусть Голдеев занимается. Негоциант он талантливый, – подвела итог их разговора Краснова.

Ирина заметила, что Краснова нет-нет, да и поправит причёску, и сначала не поняла, что это происходит с Лидией Артамоновной, а потом посмотрела на отца. Тот сидел и смотрел на помещицу, но каждый раз, когда они сталкивались взглядами, отводил глаза в сторону.

– Ух, ты, – подумала Ирина, – есть ещё «порох в пороховницах» и у неё, и у него. Ну что же, я буду только рада, если что-то сложится.

Из поместья Красновой поехали в город. Завезли Леонида Александровича в дом к наместнику, а сами поехали в уездную больницу. Ирина снова пошла через «чёрное крыло», которое теперь чёрным называли скорее по привычке. Строганова удивилась, когда Ирина сказала, что это крыло для бесплатного приёма. Входная зона была расширена, приём вели сразу несколько докторов. Почти все они были знакомы Ирине. Очереди не было. В помещении горели масляные светильники, окна были застеклены, а не забиты, как это было раньше.

– Ирэн Леонидовна, – услышала Ирина знакомый голос, это снова кричал Назар, студент, тот говорун, с которым она познакомилась в больнице в свой первый приезд. Парень подско-

чил и, стреляя глазами в барышню Строганову, начал расспрашивать об инструментах. Ирина как-то упомянула про скальпель и вот теперь Назар, которого всё больше увлекала хирургия, напомнил ей об этом. Ирина достала из сумочки специальный блокнот, который сама же себе и сделала, и записала, чтобы не забыть. Конечно, она опасалась советовать по таким вещам как скальпель или шприц, потому что она не была ни доктором, ни специалистом, но, когда впервые увидела, чем здесь режут людей, ей стало дурно, и она решила, что пусть уж лучше корявый, но скальпель, чем такие вот ножи. А эти доктора-студенты смотрели на Ирину как на сундук с сокровищами, особенно после того, как она «внедрила» с помощью Путеева, конечно, дезинфекцию рук и инструментов «хлебным вином». Поначалу все ржали, но, когда процесс заживления ран у пациентов стал резко ускоряться, а процент тех, у кого не начиналось воспаление, резко упал, все сразу поняли, что Ирина права.

Ирина провела Анну уже знакомым маршрутом, пока шли мимо общих палат, Ирина отметила чистоту и отсутствие затхлого воздуха, было заметно, что помещения часто проветриваются.

Подошли к кабинету Путеева, Ирина постучалась в дверь, в ответ услышали недовольный голос Николая Ворсовича:

– Я занят, подождите

Ирина и Анна расположились на диванчике, к ним подошла пожилая санитарка и предложила чаю. Пока пили чай, Ирина начала рассказывать что-то весёлое, и Анна не выдержала и негромко рассмеялась. Внезапно дверь кабинета Путеева распахнулась и в проёме возник сам доктор, собственной отчего-то взъерошенной персоной. Он выдохнул:

– Вы, наконец-то

Прозвучало так, как будто он давно ждал Ирину с Анной и вот, наконец, дождался.

Путеев смотрел на Анну, пожирая её глазами, даже Ирине стало неловко, и она его окликнула:

– Николай Ворсович, мы к вам на приём, посмотрите Анну Александровну?

Путеев как-то неловко кивнул и отошёл вглубь, освобождая проход в кабинет.

Анна, кивнув Ирине, они договорились, что Анна пройдет в кабинет одна, но дверь не будет прикрывать, а Ирина посидит рядом с кабинетом и таким образом приличия будут соблюдены.

Сначала в кабинете было довольно тихо, постепенно звук голосов начал нарастать, Ирины попыталась прислушаться, но слов ей разобрать никак не удавалось. Потом что-то упало и разбилось, и наступила резкая тишина.

Ирина подскочила, аккуратно приблизилась к двери, толкнула её и... Она ожидала увидеть даже лежащего на полу Путеева, если Анна разбила большую вазу об его «деревянную» голову, но никак не ожидала увидеть горячий поцелуй в исполнении девицы и сварливого доктора, и это в начале девятнадцатого века, где за лишний взгляд могли вызвать на дуэль.

Ирина почувствовала себя пожилой, умудрённой опытом женщиной, которая поймала детишек на неподходящем занятии:

– Николай Ворсович, – громко произнесла Ирина, на всякий случай плотнее прикрыв дверь кабинета.

Эти двое всё-таки «оторвались» друг от друга, затуманенными глазами посмотрели на Ирину и... отпрыгнули, разорвав объятия.

Анна стояла вся красная, а Путеев глупо улыбался.

– Анна, подожди меня в коридоре, – строго сказала Ирина

Анна сразу кинулась к двери, но Путеев оказался быстрее и перегородил ей выход

– Анна Александровна, – начал он, упав на колени, потом перевёл глаза на Ирину – Ирэн Леонидовна, будьте свидетелем, – и продолжил:

– Анна Александровна, я люблю вас, окажите мне честь стать моей женой

Было видно, что для Путеева важно сказать это здесь и сейчас и не потому, что его застали с девицей в компрометирующей ситуации. Ирина видела, что этот порыв идёт от души. Но Ирина не была ни старшей родственницей Анны, по сути, никем, поэтому Путееву надо было делать всё так, как велит брачный этикет. Без этого репутация Анны Строгановой могла пострадать, а Ирина этого не хотела, поэтому, не меняя строгости в голосе, она произнесла:

– Николай Ворсович, будьте любезны, встаньте и пропустите нас, а, если намерения ваши честны и тверды, то езжайте к отцу Анны Александровны и у него просите её руки.

Анна молчала, как бы ей ни хотелось крикнуть – да, да, да, но воспитанная в духе того времени, даже несмотря на свой бунтарский характер, она понимала, что любое неосторожное слово может привести к неприятным последствиям.

Путеев поднялся, открыл дверь, Ирина с Анной вышли, Путеев пошёл их провожать. Уже прощаясь возле парадного входа, Путеев пристально посмотрел на Анну и тихо произнёс:

– Я приеду, ждите меня обязательно

Потом он долго стоял и смотрел вслед карете с Ириной и Анной, пока она не скрылась за поворотом улицы.

А карета с девушками ехала на окраину города в старую мыльню. Ирина не была здесь два дня, и её приятно поразило то, что дело по ремонту движется быстро. Софья Штромбель посоветовала нанять дальнего родственника своего почившего супруга, по имени Иоган Шульц, он тоже был из Кравеца, но уже давно получил подданство империи. Ирина не пожалела ни разу, что наняла этого человека, хотя оплату он просил больше, чем остальные. Но все затраты уже окупились и ещё окупятся. С таким порядком на стройке и скоростью Ирина даже в своём мире редко встречалась.

Ирина проверила счета, подорожные, осталась довольна. Через неделю можно будет ставить оборудование и запускать производство. Отлично! Она успеет произвести первые партии до своего отъезда на майские сезоны, будь они неладны. Почти три дня на дорогу до столицы, да ещё и там сидеть два месяца. Единственное, что радовало Ирину, это обещанная мануфактурная выставка. Было интересно увидеть, как она будет проходить, какие новшества привезут другие и сможет ли Ирина выиграть и поехать в Бротту на всемирную выставку.

Бротта у Ирины ассоциировалась с Британией, она там была два раза, один раз в Лондоне и второй раз Эдинбурге. Лондон ей понравился, шумный, заполненный туристами и красными двухэтажными автобусами, но при этом не было ощущения опасности, которое обычно возникает, когда ты оказываешься в большой толпе.

Пока ехали к дому наместника, Ирина решила поговорить с Анной, которая с того момента, как Ирина вывела её из кабинета Путеева, не произнесла ни слова, даже на фабрике не задавала вопросов.

– Анна, ты же понимаешь, что твой отец может не одобрить Николая Ворсовича, – услышав эти слова, Анна ещё больше «надулась», а Ирина, не обращая внимание на «детское» поведение девушки, улыбнулась и сказала, – но ты должна вести себя так, чтобы у него был шанс.

– Ирэн, ты правда думаешь, что у него получится? – Анна с такой надеждой посмотрела на Ирину, но Ирина решила быть честной:

– Николай Ворсович очень упорный, и сейчас становится весьма обеспеченным, возможно, он найдёт как убедить вашего батюшку. Просто поверьте в него. Вы сейчас должны быть очень аккуратны, нельзя допустить никаких ошибок. Не встречайтесь больше с Путеевым, пока он не поговорит с вашим отцом.

Окрылённая надеждой Анна радостно кивнула.

В доме наместника их не отпустили пока не накормили. Прасковья Валуевна сообщила, что они тоже с дочерьми собираются на майские сезоны и будут рады, если Ирэн с отцом остановится в их столичном особняке.

Ирина всё-таки решилась уточнить и наклонившись к хозяйке спросила так, чтобы больше никто не слышал:

– Прасковья Валувна, а вас не смущает реакция общества, что у вас остановится Ирэн Виленская?

Супруга наместника усмехнулась и ответила:

– Вас, Ирэн, пригласил лично император, или вы думаете он всех лично приглашает? Да ко мне в очередь стоять будут, чтобы только с вами пообщаться. И не берите в голову даже. Лучше надейте себе красивых платьев и побольше!

Глава 3.

Москов. Столица.

Граф Кирилл Николаевич Балашов проснулся с головной болью, но верный Иван уже приготовил для барина лечебную рюмочку с квашеной капусткой.

Пока Балашов пришёл в себя пора было ехать на службу, и не заметил, что на подносе рядом с рюмочкой лежала записка.

А записка эта была прислана ещё накануне вечером и писала её леди Бейкер в надежде, что любовник ей поможет. А любовник в это время развлекался в офицерском клубе.

Леди Бейкер, не дождавшись помощи, решила бежать. Случайно услышала, как князю Ставровскому доложили о том, что Виленского привезли в Кремль в плохом состоянии и он может не дожить до утра. Сопоставив факт того, что она подсыпала Виленскому в вино неизвестный порошок и резко ухудшившееся состояние барона, Жозефина поняла, что либо её решили «убрать», либо это знак, и в любом случае ей необходимо исчезнуть.

Хотелось получить помощь и опереться на «сильное плечо» И леди сделал попытку и написала письмо графу Балашову. Прождала два часа, но, когда граф так и не явился, поняла, что надо действовать самой. Быстро собралась, брала в основном драгоценности и документы. Отправила доверенного человека нанять экипаж, на котором планировала выехать из столицы и добраться до ближайшей заставы.

Уже через час леди Бейкер уносил крытый возок в сторону Смоленска. Сидя в возке, Жозефина, наконец-то смогла перевести дыхание, которое сбивалось каждый раз, когда где-то в доме хлопала дверь или были слышны чьи-то шаги. Если бы Жозефина была повнимательней, то она бы вероятно заметила, что за возком, держась на расстоянии, следуют двое верховых.

К вечеру леди Бейкер добралась до Покровской заставы, до Смоленска оставалась половина пути, а там уже и до Понзского княжества рукой подать. Жозефина собиралась сменить имя и осесть в одном из маленьких городков княжества.

Договорившись с начальником заставы о найме экипажа, она отпустила Московский возок и приказав приготовить ей тёплой воды прошла в комнату, которую ей выделили для ночлега.

В ожидании воды и ужина леди решила присела на высокую кровать, занимавшую почти половину комнаты. Она ещё раз поразилась, что в Стоглавой при всей их недоразвитости, они умели создавать вот такой вот шикарный уют даже на провинциальных заставах. В той же Бротте, это была бы маленькая, три на два размером комнатка, да ещё и с неудобной, сколоченной из досок кроватью.

Она стояла, задумавшись и смотрела в окно. Дверь отворилась, Жозефина решила, что это принесли воду и сказала:

– Поставьте и позовите горничную

Но в окне отразился силуэт высокого мужчины в маске. Леди Бейкер обернулась с ужасом глядя на верёвку в его руках. Она хотела закричать, но что-то застряло в горле и у неё получился лишь короткий всхлип. Мужчина резко метнулся в её сторону и ловко накинул верёвку ей на шею. Когда леди попыталась сделать вдох, это было уже невозможно.

Её нашли утром, когда нанятый возница, прождав час, пришёл к начальнику заставы с просьбой найти клиента.

Леди лежала на огромной кровати, глаза её были закрыты и только синяя полоса на шее, которую обнаружил приглашённый доктор, свидетельствовала о том, что смерть наступила в «результате неестественных причин». Так написал начальник заставы в отчёте и тело леди Бейкер было отправлено в Москов в посольство Бротты. В документах, которые нашли в комнате, где остановилась леди, было обозначено, что леди звали Фрида Жозефина Бейкер, подданая

Бротты. Прибывшие на место исправники обнаружили, что драгоценности и деньги были на месте. Это было не ограбление. Начальник заставы мысленно перекрестился, значит это будут разбирать агенты Тайной службы, а на его заставе людей не грабят.

Правда, он ещё не знал, что всё-таки потеряет должность, потому как скоро Посольство Бротты обвинит Стоглавую в убийстве своей подданой.

Граф Балашов возвращался со службы домой, но перед этим он собирался заехать к дяде, очень уж ему хотелось увидеться с леди Бейкер. Нанял извозчика и неспешно покатил в сторону дома князя Ставровского. Через какое-то время стало понятно, что уже должен был бы приехать, князь жил в центре, а выглянув в окно экипажа, Балашов понял, что из центра уже выехали. Тогда он постучал извозчику и крикнул:

– Любезный, ты куда меня увёз?

Экипаж остановился, Кирилл решил вылезти, посмотреть, что случилось. Он распахнул дверцу и внезапно его схватили сразу несколько рук и вытащили из кареты. Он даже не успел скоординироваться. Так и упал с подножки.

Били молча и жестоко, ногами и кулаками, Балашов только и успевал, что прикрывать лицо и голову. Когда он решил, что уже не выживет. Всё прекратилось. Глаза заливала кровь из рассечённого лба, но Балашов разглядел, как к нему склонился кто-то и глухим голосом сказал:

– Будешь ещё блудяшить*, пеняй на себя

*(*Бзыря, Блудяшка, Буслай — бешенный повеса, гуляка, старорусское обзывательство, прим. автора)*

Сознание уплывало, но ночами ещё было холодно, поэтому Балашов постарался встать. Вскоре ему удалось встать на колени и так на четвереньках он и пополз к экипажу.

Вскоре откуда-то вылез, спрятавшийся извозчик и помог Балашову забраться в карету.

Балашов буквально упал на дворецкого, открывшего дверь дома. Прибежала графиня Елизавета Петровна и чуть не упала в обморок увидев Кирилла всего в крови еле стоящего на ногах, крикнула слуг, барина перенесли в комнату, и послала за доктором.

Доктор вынес вердикт, что у графа перелом руки, перелом носа, скорее всего останется шрам на лице, с остальным, если утром будет кровь в моче снова его позвать.

– Да что же это такое, по столице нельзя проехать, – голосила графиня и попыталась послать за исправниками.

Но Кирилл её остановил. Он понял, что это привет от князя Обухова.

– Вот же, не столица, а «большая деревня», ничего не скроешь.

Это была последняя мысль графа, перед тем как он отключился и провалился в сон.

Это в столице всё заговоры да тайные расследования, а в Никольском уезде в поместье Лопатиных, никаких заговоров пока нет.

С улучшением погоды Ирина озадачилась, что детворе кроме как на старых качелях играть негде. За домом был прекрасный двор, который никак пока не использовался и Ирина, вспомнив детские площадки своего прежнего мира, решила и здесь благоустроить. Начали с ремонта качелей, сделали одни побольше, одни чуть поменьше, Ирина бабам в деревне заказала специальную корзину, плотную да плоскую, ей обили мягким войлоком, и Танюша на ней раскачивалась и визжала, что только птицы разлетались. А для мальчишек, Танечке-то пока рано, Ирина договорилась с Тимофеем, и они сделали деревянные брусья, и поставили два столба, между которыми сделали перекладыны, получилась этакая «шведская стенка. Поставили перекладину для подтягиваний, ну и здесь уже Пелагея на помощь пришла, вспомнила, что в деревнях на Волге, ставят столб, на него крестообразную вертушку и к ней привязывают корабельные канаты. Всем было интересно, поэтому сделали быстро, за неделю детская площадка была готова.

А вечерами на ней стали все собираться и даже горничные, спросив разрешения у хозяев устраивали покатушки на вертушке, звонко хохоча.

А сегодня утром, Ирина наблюдала, пока мальчики занимаются уроками, Никодим со своими служивыми устроились на площадке и делали разминку.

Даже Леонид Александрович вышел и тоже подключился к веселью, кто больше всех подтянется.

Анну Строганову увезли вчера. Приехала за ней карета с двумя сопровождающими и отрядом охраны. На прощание Ирина подарила Анне подарков, и браслеты, и столовое серебро. Мыла разного целую корзину, кримов Анна сама набрала и себе и матушке и подружкам. Надо же рекламировать.

Слёзы были рекой. А уже перед тем, как забраться в карету, призналась всё-таки Анна, что супруг Ирэн её жених. И утирая слёзы, рассказала, что ехала, чтобы убедиться, что Ирэн не достойна барона, но вместо этого, нашла прекрасную женщину и доброго друга.

– Ирэн, я никогда не стану между вами, даже, если папенька не согласится, я лучше сбегу, – горячечно говорила Анна.

Потом воровато оглянулась и тихо, так, чтобы слышала только Ирэн, сказала:

– Передай ему, что я тоже его люблю и буду ждать.

Анну увезли утром, а к вечеру приехал Путеев с огромным букетом розовых роз и где нашёл-то только в начале апреля.

Розы Ирина поставила в холле, а Путеев, конечно, расстроился. Но был полон решимости, через два дня он уезжал в столицу на съезд медикусов и собирался поехать в Кузьминки к отцу Анны, просить её руки.

– Я не отступлюсь, Ирэн Леонидовна, если она тоже любит меня, я не отступлюсь

Ирина, которая сначала не собиралась передавать Путееву послание от Анны, не выдержала и всё же сказала:

– Не сомневайтесь, Николай Ворсович, ваши чувства взаимны

Пока Путеев не уехал, Ирина решила показать ему то, что получилось у Павла, когда она ему поставила задачу сделать скальпель*.

*(*Инструменты, похожие на современный скальпель, описаны и в трудах древнегреческих ученых, и в произведениях, принадлежащих Древнему Риму. В Средневековой Европе принципы лечения претерпели изменений: вместо рассечений, запрещенных церковью, практиковались только кровопускания и ампутации. Выполняли их ланцетом – обоюдоострым кинжалом, ампутационными ножами и специальными пилами для костей. Настоящий скальпель для ювелирных хирургических вмешательств появился только в XIX веке.)*

Первый образец сделали так же, как и столовое серебро, такой же сплав. Потом Ирина съездила к Картузову и ещё один образец сделали из булатной стали. Ирина посчитала и поняла, что если скальпель из булатной стали подойдёт, то его можно будет очень быстро распространить, потому как цена него в пять раз была ниже, чем у серебряного, да и прочность ювелирного сплава вызвала сомнения. А заточка на булатах держалась очень хорошо, а для скальпеля, это тоже было важно.

Путеев долго рассматривал вещицу, потом попросил, чтобы ему принесли любую кожу. После того, как он несколько раз сделал надрез на свиной коже, он ошарашенно посмотрел на Ирину, подошёл и обнял её. И, нет, в этом не было никакого любовного подтекста, это была благодарность человека, понявшего, что ему только что предложили весь мир.

Путеев, несмотря на молодость, был опытный врач и как любой лекарь имел своё «личное кладбище», которое могло быть гораздо меньше, будь у него такой инструмент раньше.

– Я возьму его с собой? – голос Путеева немного дрожал.

– Я ещё не оформляла на него «привилегию», – Ирине тоже не хотелось просто так расставаться с ещё одним «открытием»

Николай пообещал сперва заехать к законнику, Поликарпу Афанасьевичу, и только после этого показать широкой медицинской публике.

Ирина верила Путееву, если никому не верить, как жить? Поэтому подготовила описание и письмо для законника.

Путеев так и уехал, в одной руке разрезанный кусок свиной кожи, а в другой коробка со скальпелем.

Глава 4.

Москов. Кремль. Примерно неделю назад

Александр Иванович тайн не любил. Если он чего-то не знал, это означало только две вещи, либо этого не существовало, либо кто-то его обыграл. Поэтому ситуация в Никольском уезде нервировала начальника Канцелярии тайных розыскных дел, генерал-фельдмаршала Шувалова.

Он никак не мог не связать происходящее в Никольском уезде и волнения в Ханидане. Бротта и Стоглавая уже много лет вели скрытую войну, так называемую «Войну теней» за влияние в этом регионе. Бротта, как страна с более развитой промышленностью всегда обставляла Стоглавую империю, колонизируя всё больше территорий. Гандия практически стала колонией Бротты, Ханидан ещё держался. Стоглавая предпочитала сотрудничество, с огромной территорией, империи не нужны были дополнительные земли. Но у Стоглавой, при всём многообразии ресурсов, чего только не содержали недра империи, не было главного, технологий. Всё, начиная с паровых двигателей и заканчивая простейшими инструментами приходилось покупать за золото у Бротты.

И вот сейчас, когда, наконец, у Стоглавой появилось что-то, чего пока нет у Бротты, в Ханидане начали происходить волнения, как в центре страны, так и на границе.

Шувалов не просто так отказал графу Забела, он выбрал самого беспристрастного агента. У Якоба Морозова не было слабостей. Он никогда не был замечен в сложных отношениях с женщинами, у него не было друзей, его боялись и ненавидели враги. Якоб был сыном протоирея главного столичного собора, с отличием закончил Духовную академию. Но по стопам отца не пошёл. Случайно оказав помощь Шувалову, он позже пришёл к нему и попросился служить в министерство внутренних дел Стоглавой. Ему поручали самые безнадёжные дела, и он довольно быстро дослужился до чина статского советника, а после дела о покушении и убийстве прежнего императора Александра Первого, получил чин тайного советника.

Якоб был ровесником императора, ему было 34 года, возможно поэтому он был не просто лучшим агентом, а тем, кому доверял император. Они не были друзьями, но за императора и империю, Якоб Морозов не задумываясь отдал бы жизнь.

– Яша, поедешь в поместье к Лопатиным, там сейчас живет жена Виленского, и по информации от Андрея, кстати зайди к нему, пусть ещё раз тебе расскажет, что там и как. Так вот, по информации от Андрея, она и её отец сделали несколько стратегически важных для империи изобретений. Задачи две: держать Лопатиных, а особенно бабу Виленского под контролем и охранять. По нашим сведениям, там уже могут быть шпионы, и ещё ждём приезда Сухого Ричи. Пока не отследили, где он, но знаем, что уже в империи.

Якоб Морозов не стал задавать уточняющих вопросов, ему предстояла встреча с императором. По пути к императору он зашёл в кабинет Андрея Забела.

Андрей что-то писал, но увидев Якоба, сразу встал и пожал тому руку.

– Когда едешь, Якоб Александрович?

Якоб по привычке проигнорировал вопрос. Иногда, ответ на такой вопрос мог стоить жизни. Конечно, это не означало, что он не доверял графу, но привычка, большое дело, как у нас говорят, «вторая натура».

Андрей, понимающе хмыкнув, сказал:

– Твоя задача охранять, понял? К Ирэн Лопатиной даже не подходи. Узнаю, что «колья подбиваешь», приеду разбираться.

Якоб и здесь не стал задавать вопросов, но выводы сделал. Отметил для себя, что Забела не назвал фамилию барона, а обозначил девичью фамилию женщины.

На аудиенции у императора прозвучало похожее:

– Не мешать ни Ирэн, ни её отцу, аккуратно выяснить откуда у них все эти идеи и охранять. Охранять как главное императорское сокровище.

Три раза прозвучало – охранять. Якоб спешил, ему казалось, что вот-вот и не успеет.

Сегодня Ирина не вылезала из лаборатории. Да-да, она оборудовала лабораторию дома и теперь, если никуда не надо было ехать, после завтрака «творила волшебство». Недавно Софья Штромбель передала Ирине новые масла, среди которых было и масло монарды. Теперь Ирина пыталась сделать ещё одну линейку, для тех, у кого проблемы с кожей не заканчивались только пигментными пятнами. Помимо уходов для лица, Ирина думала ещё создать кримы для рук и тела.

Баночки, под которые местные стеклодувы уже отвели целый цех, пользовались большой популярностью, но были очень дороги. Единственным доступным вариантом была керамика, но в Никольском уезде не было ни одного керамического производства, все они находились ближе к столице. Надо было ехать, смотреть и договариваться. Ирина рассчитывала сделать это во время майских сезонов, полагая, что большинство фарфоровых производителей точно приедут на мануфактурную выставку, чтобы представить свою продукцию.

Ирина хорошо помнила, как в своё время гуляя по музеям Санкт-Петербурга, любовалась различными видами фарфоровых изделий. В доме Лопатиных были остатки прекрасного сервиза. Когда-то он был на восемьдесят персон, теперь полный комплект можно было собрать на двадцать. Произведён этот фарфор был на фабрике братьев Корниловых*. Конечно, под косметику Ирине надо было что-то попроще, возможно, не такой тонкой работы и она рассчитывала, что это будет стоить дешевле.

*(*На самом деле фабрика **Корниловых** была создана только в 1835 году в Санкт-Петербурге. Она выпускала посуду, вазы, сувенирную продукцию)*

Вот и сегодня Ирина «творила». Это был не очень красивый процесс, поэтому приходилось облачаться в фартук-халат, который обычно всегда заляпывался в процессе. А сегодня ещё и кончилось «хлебное вино». Для лабораторных целей его всегда нужно было немного, но, увлёкшись накануне новыми маслами, и обрадовавшись маслу монарды, Ирина совсем забыла обновить запас этого необходимого ингредиента.

Процесс не мог ждать до следующего дня, требовалось в течение максимум двух часов добавить несколько капель, иначе всё придётся начинать сначала. Ирина к каждой рецептуре подбирала индивидуальное соотношение. Разные ингредиенты по-разному нуждались в таком «консерванте». Где-то требовалось совсем немного, а где-то приходилось добавлять побольше.

Ирина, как была, в заляпанном фартуке-халате с пустой бутылочкой из-под «хлебного вина» выскочила из своей лаборатории, под которую была переделана одна из комнат на первом этаже, и побежала на кухню, намереваясь послать кого-нибудь из слуг в город за новой бутылочкой.

Выскочила и натолкнулась на высокого, симпатичного мужчину. Тёмные, удивительного оттенка каштановые волосы были гладко зачёсаны и убраны в хвост. Лицо открытое, взгляд чёрных глаз пронзительный, но не оценивающий, что свидетельствовало о хороших аналитических способностях. Мужчина как будто сверял полученную информацию с некоей виртуальной базой данных, находящейся в его голове. Сильный подбородок и едва заметный шрам на левой щеке, проходящий по скуле. Подтянутая фигура человека, явно не проводящего дни сидя в кабинете.

Увидев Ирину, мужчина скривился, моментально оценив её вид и пустую бутылку в руках и отдал приказ:

– Позови хозяина

Ирина подумала, что, наверное, она совсем распустила слуг. Где дворецкий? Охрана? Где вообще все?

И только сейчас Ирина обратила внимание, что от мужчины пахнет кожей и лошадиным потом. Похоже он долго ехал верхом. Интересно, кто это?

Якоб Морозов

Тайный советник выехал из столицы в экипаже, трясся почти весь день. К ночи добрались до Муромской заставы, проехав почти две трети пути. Не понимая причин нервозности, Якоб решил выехать с заставы пораньше, верхом, чтобы снова не терять весь день. После всех этих наставлений и от Шувалова, и от императора, почему-то казалось, что что-то плохое обязательно должно произойти. Встал в четыре утра, и в пять граф Морозов уже ехал в сторону поместья Лопатиных.

На подъезде, как полагается, Якоба встретил разъезд охраны, попросили предъявить документы. Провожать не поехали, но Якоб понимал, не положено. В разъезде и так минимум, четверо. Оценил.

На воротах документы снова проверили, и только после этого ворота открыли. Встречать посланника императора вышел начальник охраны. Представился Никодимом Воевым. По выправке было видно, что, либо бывший военный, либо из исправников.

О Якобе Морозове Никодим знал. А вот Якобу ни разу не доводилось вести дела, связанные с Никольским уездом в бытность, когда Никодим был здесь главным исправником. Но поздоровались по-дружески, всё-таки коллеги. Поэтому Никодим и не пошёл провожать важного гостя в дом, понадеявшись, что того там встретят как надо. Барыня же никуда не выезжала, значит в доме.

Но только никто не учёл, что хитрые слуги, знавшие, что, если хозяйка заперлась в своей ла-бо-ра-то-ри-и, то уже до обеда точно не выйдет, усядутся на кухне пить взвар с пирогами. Кто же знал, что у хозяйки «водка» закончится, а из самой столицы именно в это время примчится императорский посланник Якоб Морозов.

Войдя в дом, Якоб удивился, что его никто не встречает, он уже порадовался, что охрана поместья настроена как надо, а тут такое разочарование. И выскочившая ему навстречу служанка в заляпанном платье с пустой бутылкой из-под «хлебного вина», только добавила колорита открывшейся картине.

– Ой, не зря Шувалов просил приглядывать, похоже, что здесь у хозяев явные проблемы. Слуги с утра пьют, дворецкого на месте нет, да и самих хозяев что-то не слышно, хотя время уже к обеду, – подумал Якоб и глядя на застывшую в растерянности неряху-выпивоху, рявкнул:

– Позови хозяина.

Но странная девица на его рык не отреагировала, зато прибежал, что-то радостно дожевывающий, судя по униформе, дворецкий, который почему-то сначала поклонился девице с бутылкой, и только потом подошёл к Морозову, протянул руки за вещами и с достоинством произнёс:

– Как о вас доложить, ваша честь?

Непонимающе посмотрев в сторону всё также неподвижно стоящей девицы, Якоб ответил:

– Доложи хозяину, посланник его императорского величества граф Якоб Александрович Морозов

Дворецкий поклонился, и обернувшись в сторону девицы произнёс:

– Ирэн Леонидовна, к вам посланник

Девица каким-то образом развязала своё грязное платье, которое оказалось просто большим фартуком, сбросила его на руки дворецкому, улыбнулась и спокойно сказала:

– Добро пожаловать, Якоб Александрович, вы верно устали с дороги.

Потом развернулась к дворецкому и приказала позвать слугу и проводить барина освещится и приготовить комнаты.

Якоб Морозов обычно ничему не удивлялся, но этой женщине это удалось. Почему-то он, взрослый мужчина, почувствовал странное смущение, когда она, по-доброму улыбнувшись, сказала про то, что ему надо освежиться с дороги. Он сразу вспомнил, что провёл несколько часов в седле и пахнет вовсе не розами. Поэтому, не найдя слов, он коротко поклонился и прошёл вслед за быстро прибежавшим слугой. И уже не видел, как Ирэн молча погрозила кулаком дворецкому, которого, впрочем, эта угроза больше повеселила, судя по тому, что он, хитро улыбнувшись пошёл за горничными, которые всё ещё распивали чай на кухне.

Глава 5.

– Интересно, – думала Ирэн, решившая переодеться к обеду, на котором будет присутствовать императорский посланник, – и как себя вести? Делать всё то, что обычно? Или засесть в доме и никуда не ездить?

Ирина не знала как долго граф Морозов пробудет у них, и не могла себе позволить даже одного дня ничегонеделанья. Сейчас самый важный этап перед запуском мыловаренной фабрики, на следующей неделе можно начинать пахать, Картузов уже предупредил, что пригласил ещё землевладельцев на испытания плуга. Да и в лаборатории дела ждать не будут. Заказов только от местного общества на кримы столько, что Софья у себя в аптеке не справляется, а Прасковья Валуевна для старшей дочери попросила что-то от «некрасивостей» на лице. Старшей девочке исполнилось пятнадцать лет, и она «расцвела». Ирина как раз сейчас и делала крим с маслом монарды для неё, а ещё хотела попробовать сделать крем-мыло с ромашкой. У подростков в этот сложный период часто бывает жирная кожа, надо лучше следить за гигиеной, чтобы поры не забивались и не начиналось воспаление. Запустить легко, а ты попробуй потом избавиться.

У Картузов уже цемент начали делать, пока только для того, чтобы изготовить «каменной» для строительства храма. И уже попробовали сделать несколько укрепленных, по типу железобетона с металлическими стержнями. Строители скоро приедут, надо ускоряться. Вот совсем некстати сейчас посланник. Да, у него такие грамоты, самим императором подписанные, что встращать его надо как самого близкого родственника, не приведи бог обидится.

Ещё Ирина столкнулась с тем, что здесь нет маргарина, вот жир есть, масло есть, а маргарина нет. Дома она иногда пекла печенки на маргарине, а здесь аккуратно спросила Пелагею, но та даже не поняла про что Ирина хотела узнать. А ведь проще простого, главное умудриться смешать хорошенько растительный жир, воду, красители и соль в единое целое. А с её оборудованием это вполне возможно. Подобие миксера ей Павел уже сделал. Поставить кого посильнее и пусть крутит.

Как говорится ветра не удержишь, правды не скроешь. И Ирина решила, что будет делать то, что и обычно. Якоб этот должен быть умным мужиком, дурака бы не послали. А если умный, то поймёт, тем более что на всё есть вполне логичное объяснение. Ну, почти на всё.

За обедом собрались все, прибежали мальчишки вместе с гувернёром, спустился Леонид Александрович, Глаша привела Танюшу, но увидев незнакомое лицо, собиралась сбежать, Ирина не позволила.

Перед тем как приступить к обеду Якоб Александрович представился, пожал руку Леониду Александровичу и мальчишкам, которые с важным видом подошли вслед за отцом. Якоб обратил внимание, что атмосфера за столом была дружелюбная. Поначалу всех немного смущало присутствие незнакомого человека, но уже к десерту все расслабились и стали вести себя непринуждённо, так, как обычно ведут себя в семьях, где царит согласие, уважение и любовь.

Якобу даже завидно стало. В его семье царило уважение, но любви не было и это чувствовалось. Всё касалось только долга. Долг отца, долг жены, сыновний долг. Он поэтому и пошёл служить в министерство внутренних дел, поначалу это был какой-то протест молодого человека, за которого родители сделали выбор, а потом он понял, что эта служба и есть то, что даёт ему возможность чувствовать себя счастливым, потому как это любовь, любовь к Отечеству.

А здесь у Лопатиных была какая-то другая любовь и шла она в основном от этой маленькой женщины, почти девушки с огромными тёмными как перезрелая вишня глазами.

Якоб даже головой встряхнул, освобождаясь от таких неуместных для его профессии сравнений. И чего это вдруг его так повело, наверное, от усталости.

Внезапно звуки вернулись и прозвучал вопрос, который, судя по всему, задавали Якобу не в первый раз:

– Надолго вы к нам? – спрашивал Лопатин

Якоб, привыкший «уходить» от подобных вопросов, ответил неопределённо:

– Скорее всего да, будет видно по обстоятельствам

Улыбнулся, глядя на удивлённые лица, и продолжил:

– Не прогоните?

Мальчишки захохотали, но Якоб смотрел на Ирэн, и судя по выражению её лица, она бы его с радостью отправила обратно прямо сейчас.

Заметив, что Морозов на неё смотрит, Ирэн смутилась и тоже тихо рассмеялась, выдав совершенно возмутительную для этикета шутку:

– Как будете себя вести, а то может и прогоним

Якоб оказался неплохим человеком. Он никуда не лез с вопросами, но сразу оговорил, что все поездки в его сопровождении, не важно сколько охраны выделяет Ирине Никодим. С Никодимом Якоб сразу нашёл общий язык.

– Вот что значит «одной крови», – подумала Ирина, сопоставив одинаковости в поведении двух таких с виду разных мужчин.

Уже две недели Якоб жил в поместье Лопатиных. Завтракал, обедал, не всегда ужинал, куда-то периодически срывался на ночь глядя, если только не надо было сопровождать Ирину, которая часто выезжала засветло, но задерживалась либо на фабрике в Никольском, либо вот, как сегодня у Картузова.

К помещику Картузову поехали на испытание плуга и заодно посмотреть «белые камни», первый в этом мире железобетон по технологии от Ирины и садовника Жозефа Монье.

Как Картузов и обещал, на испытание плуга приехали помещики из соседних поместий. Помещик Говоров Василий Иванович и граф Дольский Никита Сергеевич. Да ещё и крестьяне из Картузовских деревень пришли. Собралась приличная толпа. Мужики пришли вместе с бабами и с детьми.

– Как на праздник, – пришло в голову Ирине.

Ирина обратила внимание, что Якоб удивлённо разглядывает собравшихся рядом с полем людей. Подошли помещики, чинно поздоровались с Морозовым. Ирина, которая за две недели привыкла к тому, что в доме Якоб вёл себя достаточно демократично, даже удивилась такой метаморфозе. В поместье Лопатиных Якоб вместе с солдатами с утра тренировался на «детской площадке», удивившись как это они придумали такую красоту. Ирина пару раз подглядывала, тело у императорского посланника было тренированное, сухое, под кожей было видно, как перекатываются мышцы. Она даже подумала:

– Он должен быть очень быстр с такой комплекцией, особенно в драке на шпагах

И скоро в этом убедилась, когда Никодим предложил Якобу «тряхнуть» стариной и устроить тренировочные поединки. Морозов «разделал» всех. Всех семерых, которых по очереди выставлял против него Никодим.

Здесь же Ирина увидела надменного, облечённого властью аристократа, который немного свысока поглядывал на провинциальных помещиков, «позволяя» им находиться рядом.

Любитель зрелищ, Иван Иванович, объявил о начале испытания и взгляды всех обратились на поле, куда один из крестьян вывел тяжёлого коня, запряжённого в держатели для плуга. Ирина услышала, как кто-то сказал:

– Не соха

По сигналу Картузова мужик повел коня по полю и вскоре раздался слаженный, как будто отрепетированный вздох. Причём дружно вздохнули все и даже Якоб Морозов, растерявший всю свою надменность и с непередаваемым выражением на лице смотревший как первый в

Стоглавой плуг режет землю, которая не застревает на нём, а отваливается, и конь легко тащит за собой эти дровни, оставляя за собой полосу чёрной вспаханной земли.

Якоб обернулся к Картузову, потом посмотрел на Ирину:

– Вы, вы понимаете, что это значит?

Картузов понимающе улыбнулся, а Ирина пока молчала

– Сколько их у тебя, Иван Иванович, – подбежал помещик Говоров, – я беру все!

– Подождите, подождите, – раздалось от графа Дольского, – как это вы берёте все, я тоже, между прочим, хотел бы прикупить сие орудие.

– И я, – произнёс Якоб Морозов

Все непонимающе на него посмотрели:

– Мол тебе-то зачем?

Якоб спокойно ответил, хотя ему хотелось кричать:

– Необходимо поставить в известность государя. Этот...это... орудие предмет стратегической важности.

Он смотрел на Ирину, осознавая, что вот за всем этим стоит именно она, и не мог понять как Виленский, а за ним и Балашов, могли упустить такую женщину. Этот плуг, это просто «бомба», Морозов не мог найти другого сравнения. Да, когда в Бротте узнают, их премьер от зависти, повесится на башне Вестандского замка.

Но на сегодня это были ещё не все потрясения для несчастного тайного агента, которому, с одной стороны, хотелось «схватить» плуг и мчать в столицу, а с другой стороны, теперь он ещё больше боялся оставить эту женщину одну. Ведь умница, но она, казалось, совсем не представляла какой опасности подвергается. И именно сейчас, когда всё больше людей узнаёт о том, что они, якобы с отцом, придумали.

Ещё большим потрясением для Морозова стал «белый камень». Сначала Якоб не понял, что за бруски начали вытаскивать мужики по приказу Ивана Ивановича. Это было действительно похоже на белые камни, только правильной прямоугольной формы. Да ещё из них торчали металлические штыри.

– Вот, Ирэн Леонидовна, поглядите-ка, это лучшие образцы, – горделиво сказал Картузов, потом крикнул:

– Фёдор, а ну иди сюда

На крик отозвался невысокий крепкий мужик из крестьян. Но Картузов представил его как главного по изготовлению «камней».

– Вот, Ирэн Леонидовна, это Фёдор, не смотри, что в лаптях, он чувствует, как надо мешать, сколько воды, сколько палок. Назначил его главным.

Ирина видела, что Якоб замечает всё. И то, что, и Картузов и Проша (Феррати) обращаются в основном к ней, а не к отцу, хотя тот всегда сопровождал Ирину в поездках. Да и на мыльной фабрике, как люди прозвали мыловаренное производство, укоротив сложное слово, и Софья и Иоган Шульц тоже все вопросы решают с Ирэн.

Ирэн всё ждала, когда Якоб, как когда-то Андрей Забела, пригласит её на приватный разговор и там покажет своё истинное к ней отношение. Тоже начнёт допрашивать откуда она всё это знает и не шпионка ли.

Но прошло уже две недели, а Якоб молчал.

Если бы Ирина знала, что происходит в голове тайного агента, то вместо того, чтобы переживать, она бы расхохоталась.

Во всегда «холодной» голове Якоба Морозова был полный сумбур. Он ожидал увидеть здесь женщину, о которой в столице ходили не самые приятные слухи. И истеричка, и плохая мать и отвратительная жена. Он думал, что увидит опустившуюся, потерянную женщину, а встретил здесь... генерала. Генерала, за которым все шли в ту сторону, куда она скажет. И даже ему хотелось за ней бежать.

А сегодня, помимо плуга, ещё увидев и белые камни, Якоб не сдержался, его словно прорвало. Всегда молчаливо наблюдавший, здесь он не выдержал и начал расспрашивать и Картузова, и Ирину, и даже умельца по камням Фёдора.

Выяснив, что эти камни делаются из известняка, глины, песка и воды, он стал необычайно взволнован и радовался словно это он только что всё придумал. А когда Картузов, увидев, что императорский человек так удивляется, то ещё и решил провести испытания и показательно разбить несколько «белых камней», что ему так и не удалось. Зато Морозов окончательно поверил, что это какое-то чудо. И ещё два часа «мучил» Феррати, чтобы тот рассказал ему как удалось сделать такой замечательный материал.

Пока Феррати ходил с Якобом, Ирина обсудила с Иваном Ивановичем план изготовления. На днях ожидала рабочих и собиралась приехать с ними сюда, чтобы показать из чего они будут строить храм.

Картузов посоветовал на «первый» камень начала строительства привезти из Никольского храма настоятеля, чтобы освятить и получить благословение на благое дело. В которое и сам тоже вложился, потому как его людям тоже будет удобно в это храм ходить. Да и шутка ли, первый храм в Стоглавой из искусственного «белого камня».

Пока ехали обратно в поместье Якоб продолжал говорить о том, какие перспективы для империи открываются с этими изобретениями. Леонид Александрович как мог поддерживал беседу, но смотрел Морозов исключительно на Ирину.

– Что вы на меня так смотрите, – вопреки всем правилам этикета не выдержала она, – у меня что, чёрное пятно на лице?

Но Якоб не смутился и не возмутился, а спокойно и просто сказал:

– Вас надо охранять Ирэн Леонидовна, вы теперь «достояние империи»

Ирэн отчего-то развеселилась, как это она из «падшей женщины» сделала такую головокружительную карьеру, став «достоянием империи»:

– И кто же возьмёт на себя столь почётную обязанность, – весело спросила Ирина

Но Якоб был совершенно серьёзен, отвечая:

– Пока я, а там дальше видно будет.

Но, когда приехали в поместье, оказалось, что не получится у Якоба охранять «достояние империи». Его ожидал курьер в императорской форме с приказом срочно явиться в столицу.

Якоб не стал делиться с Лопатиными. Но с приказом пришло и личное письмо, где было написано только одно слово: Ханидан.

Что-то случилось на границе...

Дорогие Читатели!

Рада, что вы остаётесь со мной и с героями книги

Я благодарна вам за награды, удалось сделать профессиональную обложку. Надеюсь, что вам понравилось. ♥#

*На книгу будет открыта **подписка** со следующей недели.*

Проды будут выходить каждый день.

Глава 6.

Якоб разрывался. Он уговаривал себя, что это судьба, что он же хотел, не отправляя сухих отчётов сам отвезти в столицу образцы и информацию обо всех «чудесах» Никольского уезда. Но как оставить эту невозможную женщину. Да, у неё здесь профессиональная охрана, Забела договорился, что через день меняются казачьи разъезды, усиливая охрану на подъезде к поместью. Но её ведь так легко обмануть.

Но, пометка «срочно» не оставляла тайному агенту вариантов, и он решил так, поеду верхом, обернусь за неделю, ничего не должно произойти. Рано утром Якоб Морозов выехал в столицу, карета, в которой были образцы «белого камня» и плуг, отправилась следом.

Через несколько часов Якоб доехал до Муромской заставы. Надо было немного передохнуть и сменить коня. Во дворе заставы стояла богато украшенная карета, герба на карете не было. Якоб подумал, что это какая-то помещица едет в свою деревню. Ему некогда было разбираться.

По сути, агент тайной канцелярии проявил преступную небрежность, что было совсем на него не похоже, и только случайность позволила Якобу Морозову «сохранить лицо». Собираясь уезжать, он задержался, обнаружив, что фляга совсем пустая, и он забыл набрать воды. Когда Якоб шёл обратно, из гостевого дома заставы вышел мужчина и направился к ожидавшей его роскошной карете. Одет он был тоже роскошно, явно по последней Броттской моде, короткий до середины бедра камзол, щедро расшитый дорогой золотой нитью, белоснежная рубашка с широким и пышным воротником, отчего казалось, что мужчина ходит с выпяченной грудью, плотно облегающие рейтузы и высокие сапоги из прекрасно выделанной кожи, которая даже на вид была мягкой. Мужчина отличался высоким ростом, но был жилист, лёгкая походка и хищная плавность движений выдавали в нём опытного фехтовальщика. На боку болталась шпага с эфесом, украшенным каким-то гербом. Лицо мужчины с чётким, как будто вырезанным «орлиным» профилем, показалось Якобу знакомым. И уже сев на коня и отъехав приличное расстояние от заставы, Морозов вспомнил на кого был похож встреченный незнакомец. Он знал только одного человека, который гордился фамильным профилем, глядя на всех со снисходительной улыбкой на тонких губах. Это был маркиз Ричард Уэлсли, неуловимый шпион Бротты, которого в Стоглавой называли Сухой Ричи и ехал он в сторону Никольского уезда.

Якоб даже затормозил, не понимая, как случилось, что вместо того, чтобы слепо выполнять приказ, он пытается придумать причину и развернуть коня, чтобы мчаться обратно в поместье Лопатиных.

Но дисциплина победила, Якоб продолжил свой путь в столицу, молясь о том, чтобы у Ирэн и её отца хватило ума не пускать Сухого Ричи в поместье.

Ирэн даже не подозревала, что вокруг неё происходят такие «интересные» перемещения. Как не знала и том, что именно к ней едет самый известный и неуловимый шпион Бротты и о том, что самый хладнокровный агент Канцелярии тайных дел неожиданным образом лишился этого качества и готов был нарушить приказ.

Ирина была занята, к ней наконец-то приехали строители, чтобы начать возводить храм. Это была не просто бригада, это были те, на кого Ирина возлагала большие надежды, если они согласятся начать работать с новым материалом, с «белым камнем». Этих строителей ей прислала церковь, по её просьбе настоятель храма в Никольском сделал заявку и эту бригаду церковь выделила для строительства. Платить строителям, обеспечить их жильём и строительным материалом, должен был тот землевладелец, на землях которого возводился храм, но выбор бригады, полностью был на стороне церкви.

Строители эти были отдельной «кастой», они строили исключительно церковные сооружения, таких строителей в Стоглавой было немного и заполучить такую бригаду считалось большой удачей. Иногда люди могли прождать целый год, пока освободится бригада, но Ирине повезло и для неё строители нашлись раньше.

Размещением строителей занялся Леонид Александрович, а вот об оплате и работе с новым материалом говорить решили вместе. Отец Ирэн не отличался коммерческим талантом и прекрасно это понимал, передавая первенство в таких вопросах дочери.

Главный у строителей, высокий мужчина с окладистой бородой, окинув взглядом подготовленную площадку и сложенные неподалёку природные белые камни, недовольно поморщился и сказал, обращаясь к Лопатину:

– А что же вы, барин, камней-то не закупили?

И вздрогнул от неожиданности, когда ответила ему Ирина:

– Добрый день, как вас зовут?

Мужчина посмотрел на Лопатина, задумчиво потеревил свою шикарную бороду, потом перевёл взгляд на Ирину и ответил:

– Василий Мефодьевич я

– Пойдёмте, Василий Мефодьевич, – Ирина не стала обращаться к бригадиру так как имела на то право, без отчества. Было же понятно, что человек непросто так представился непопуганным образом. Именно сейчас решалось, получится у Ирины убедить строителей или они плюнут и уедут.

Если мужик и удивился, что барыня назвала его по имени-отчеству, то вида не показал и пошёл вслед за Ириной, которая повела его к месту, где были сложены бетонные блоки, которые специально привезли в небольшом количестве, чтобы показать строителям. Пока весь остальной сделанный объём хранился у Картузова Иван Ивановича.

Открыли наброшенную сверху тряпку, и взглядам бригадира строителей Василия и подошедших к нему ещё трёх человек из бригады предстала невиданная ранее картина. Ровными рядами, прилегая один к другому, прямоугольными боками, на высоте выше человеческого роста были сложены... «белые камни».

– Это кто же вам так камни обтесал? – с недоумённым видом, снова вцепившись в свою бороду, за сохранность которой Ирина уже начала переживать, ошарашенно спросил Василий.

Вместо ответа Ирина задала свой вопрос:

– Сможете построить храм из таких камней?

Мужики подошли поближе, стали щупать бетонные блоки, один даже попытался лизнуть. Ирина бы, наверное, рассмеялась, если бы не была так напряжена оттого, что ей очень хотелось, чтобы строители согласились.

Наконец Василий обернулся к Ирине и стоящему рядом с ней Леониду Александровичу и немного заикаясь спросил:

– Эт-то что такое?

Тут уже даже Леонид Александрович улыбнулся и ответ:

– Это и есть «белый камень» только создан он на фабрике и все камни будут одинакового размера и ровные.

Дальше разговор пошёл о свойствах «камня», как испытывали, достаточно ли прочные. Василий Мефодьевич, который смущаясь попросил Ирину называть его просто Василием:

– Чего уж там, барыня, Василий я, а вы ежели чего простите, это я с удивления. Ответа-то ждал от вашего батюшки, а тут вы, – снова схватился за бороду и закончил – в общем это, берёмся мы и с «камнем» вашим будем работать.

А вот последняя фраза сильно удивила Ирину. Василий ещё раз окинул взглядом пирамиду из бетонных блоком и сказал:

– Посчитаю, сколько надобно и поедем на вашу энту фабрику заказ размещать.

Ирина не сказать, чтобы была удивлена, она была потрясена, что этот вот мужик возьмёт и рассчитает сколько чего надо. А она-то голову ломала, как высчитать сколько надо сделать блоков. Значит не зря говорят, что церковными строителями просто так не становятся.

На утро следующего дня ожидали приезд настоятеля Никольского храма на закладку первого камня.

Утром часам к десяти подъехал настоятель, на площадке уже были строители, яма, куда должны были закладывать самый большой освящённый камень, была вырыта.

Вчера Ирина с Василием обсудили, что будет правильно фундамент сделать из природных камней, а стены «поднимать» уже «белым камнем». На фундамент природного камня хватало. Василий, удивив Ирину ещё раз, уже с утра пришёл к ней и Леониду Александровичу с готовыми расчётами.

Подтянулись крестьяне из деревень, погода была хорошая, не по-апрельски тепло светило солнце, что всем показалось хорошим знаком. Настоятель в красиво украшенной ризе, начал говорит о том какое благое дело строительство храма. Двое служек, которые приехали вместе с настоятелем, поднесли ему чашу со святой водой, из которой настоятель достал большую кисть и проговаривая слова благословения побрызгал на камень и пройдя по кругу также обрызгал землю. Потом, забрав у другого служки кадило ещё раз прошёлся по кругу, завершая процесс. Строители подхватили камень, специально положенный на длинные ленты, и аккуратно опустили его в яму.

Ирина оглянулась, народ начал креститься, кто-то потянулся к настоятелю в надежде получить личное благословение. А взгляд Ирины наткнулся на богато украшенную карету, возле которой стоял... маркиз де Карабас. Почему-то именно это имя пришло Ирине в голову, когда она увидела франтовато одетого мужчину, небрежно облокотившегося на поручень на дверце кареты.

Стройные ноги, обтянутые плотными серыми рейтузами, высокие сапоги, камзол, непривычно короткий. Ирина привыкла к тому, что мужчины-дворяне в Стоглавой носят длинные камзолы до колена, а здесь длина была до середины бедра не больше. Из-под камзола виднелась белоснежная рубашка с жабо и такими же пышными манжетами. Сбоку на портупее висела шпага. Лица было не разглядеть, мужчина стоял достаточно далеко, да ещё и против солнца, но Ирине показалось, что он смотрит прямо на неё.

Москов. Столица.

Утром барону Виленскому доставили необычное письмо. Оно было без штемпеля, его принесла чья-то горничная и передала с просьбой прочитать, потому что это важно. Обычно Виленский таких писем не читал, но теперь, после вынужденного почти недельного лежания, барону хотелось встряхнуться.

– Что бы там не было в этом письме, – подумал Виленский, – это меня либо позабавит, либо разозлит, что одинаково хорошо

Письмо оказалось от... девицы Строгановой. Содержание письма было настолько неожиданно, что барону сперва показалось, что это всё сон, что он ещё не вышел из того состояния, в котором находился после того, как его попыталась отравить леди Бейкер.

Анна Александровна писала, что недавно имела честь познакомиться с его... женой, Ирэн Леонидовной. Чьи дела и поступки вызывают только уважение и что она понимает, что невозможно не любить или отказаться от такой женщины, поэтому не хочет стоять между ними и предлагает барону отказаться от идеи помолвки. Далее было добавлено, что это письмо она просит никому не показывать и незамедлительно уничтожить, что она решила написать это письмо только из большого уважения к Ирэн, которая несомненно достойна только самого лучшего.

Барон пребывал в недоумении, какие дела и поступки Ирэн вызывают у девицы Строгановой уважение? Ему казалось, что либо он сошёл с ума, либо у Анны Строгановой помутилось в голове.

Однако, письмо барон уничтожил, как бы то ни было, не стоило подвергать опасности репутацию юной баронессы, с остальным же решил разобраться позже. Сейчас он должен был поехать во дворец. Вчера пришло приглашение на Малый Совет, куда император приглашал только самых доверенных людей, к коим относился и Виленский. В приписке к приглашению написанное рукой самого Александра Третьего было указано – «если будешь в силах». Барон был «в силах» и даже больше того, эти силы распирали его изнутри, грозя «разорвать», если он тотчас же не займётся делами. Перед тем. Как выехать во дворец барон зашёл к сыну, тот как раз готовился к занятиям по фехтованию, Елена Михайловна была здесь же. После происшествия с леди Бейкер сестра барона вела себя тихо и старалась лишний раз не высказывать своего мнения.

Но про уничтоженные письма от Ирэн, она брату так и не рассказала.

Глава 7.

Москов. Кремль.

Когда Виленский прибыл в Кремль, в малом кабинете уже были Шувалов и Забела. Помимо них ждали ещё Якова Васильевича Виллье, Ивана Андреевича Остермана и Ивана Фёдоровича Паскевича. Виленский удивился, потому что Паскевич был «богом войны» и, если его приглашали, значит всё очень плохо.

Все обрадованно встретили похудевшего после отравления, но бодрого Виленского.

– Серж, рад, что ты смог прийти, – обнимая друга, сказал император, – сейчас подойдут остальные и начнём.

Наконец все собрались и граф Шувалов встал и, почему-то глядя на Виленского, сказал:

– У меня две новости и обе плохие. Первая новость. Все вы в курсе, что уже месяц продолжаются стычки на границе с Ханиданом*. Так вот, – и Шувалов обвёл взглядом всех присутствующих и продолжил, – на днях фанатики напали на наше посольство в Ханидане. Удалось отбиться малыми жертвами, но я считаю, что это «первая ласточка», будут и другие провокации. Нужен человек, хорошо знающий Фетх Али-Шаха*...

*(*Ханидан (выдуман. автором) – государство, географически и политически напоминающее Персию и современный Афганистан, Бротта и Стоглавая ведут скрытую войну за влияние в этом регионе, «война теней»; Фетх Али-Шах – шах (высшая власть) в Ханидане)*

Барон Виленский сразу встал, но Шувалов рукой показал ему, чтобы тот пока не спешил. Барон присел обратно в кресло, недоумевая почему Александр Иванович его остановил, из всех присутствующих только он близко общался с Фетх Али-Шахом. Ещё до женитьбы на Ирэн, Виленский два года прожил Ханидане. Виленский хорошо знал фарси и ему не нужен был переводчик, чтобы общаться с ханиданцами. И с шахом он был на «короткой ноге», тот даже иногда читал ему свои стихи. Было и такое увлечение у правителя Ханидана.

Между тем Шувалов продолжал:

– А теперь вторая плохая новость. Бротта официально обвинила барона Виленского в убийстве своей подданой Фриды Жозефины леди Бейкер.

Барон даже опешил. Но судя по лицам остальных все уже были в курсе.

– Но это смехотворно! – Виленский не скрывал раздражения

– Мы знаем, Серж, – сказал император, – но у Бротты есть свидетель...

– Я лежал как бревно, я не помню ничего, – возмущённо воскликнул Виленский, перебив императора.

...свидетель, – продолжил Александр Третий, – которому ты якобы заплатил, чтобы тот нашёл исполнителя.

Выяснилось, что Бротта потребовала выдать им Виленского, обвинив того в убийстве своей подданой. Была выслана официальная нота.

На требование Стоглавой выдать свидетеля для допроса, сторона Бротты ответила отказом.

Единственное о чём удалось договориться, только о том, чтобы провести расследование, в котором принимают участие агенты со стороны Стоглавой и со стороны Бротты.

Поэтому Виленский не может ехать в Ханидан, как только он покинет Стоглавую, его могут задержать и не выпускать до окончания расследования.

– Я вызвал Якова Морозова, – сказал Шувалов, – поедет он, конечно, он не так хорошо знает шаха, но он хорошо знает Ханидан.

При этих словах как-то странно дёрнулся граф Забела, но ничего не сказал.

Виленский понимал, что спорить бесполезно и уже начал думать о том, что, наверное, придётся пока уехать в имение. Но может и неплохо, побудет с сыном, погода становится хорошей...

– Серж, – судя по всему император уже не первый раз повторил его имя

Виленский очнулся от своих мыслей и посмотрел на Александра.

– Ты не успел уехать на заводы, и это хорошо, потому что теперь, когда у нас есть булатная сталь, нам нужно много этой стали, чтобы сделать орудия, пушки, которые будут мощнее и долговечнее, чем Броттские, к примеру пудов на тридцать пять.

Виленский смотрел на Александра и не узнавал того. Он же всегда был против войны.

– Не смотри на меня так, – продолжил император, – я по-прежнему не хочу воевать, но я хочу изменить баланс сил. И сейчас, когда у нас появилась булатная сталь, можем это сделать. Ты поедешь в Никольский, заберёшь оттуда мастеров и поедете на Златоустовский завод, что под Оренбургом. Времени тебе даю два месяца. А пока ты будешь там, то мы с убийством этой леди здесь всё решим. Да, Александр Иванович? – посмотрел император на начальника Канцелярии Тайных дел.

– Не сомневайтесь, – уверенно ответит граф Шувалов.

Далее обсудили вопросы усиления гарнизонов приграничных крепостей и привлечение Каспийского корпуса*.

*(*Каспийский корпус (выдуман.) – включал наземные войска и флотилию Срединного моря, относящегося к Кавказскому ханству, состоящему в составе Стоглавой империи на границе с Ханиданом)*

Яков Васильевич Виллье доложил об уникальном открытии скалпрум* и продемонстрировал необычной формы нож с тонким лезвием. Обговорили возможность размещения заказа для полевых докторов. Уточнить по «привилегии» и производству поручили Шувалову.

*(*лат. scalprum — нож)*

Совещание закончилось, Шувалов и граф Забела прошли в сторону кабинета Шувалова. Гвардеец, стоявший возле двери, доложил, что в кабинете графа Шувалова дожидается Яков Морозов.

– Можно с вами? – по лицу графа Забела было видно, что спросил он просто так и вряд ли отступит, даже, если Шувалов ему откажет.

Поэтому Шувалов посмотрел на него тяжёлым взглядом, вздохнул и сказал:

– Иди уже, защитник

Вид у Морозова был такой, будто он только что с коня слез. И судя по запаху лошадиного пота, так оно и было.

– В чём такая срочность, Яша? – по-отечески спросил Шувалов, – я ждал тебя только завтра.

Морозов, покосившись на Андрея Забела и получив подтверждающий кивок от Шувалова начал рассказывать.

Когда он закончил, Шувалов, поджав губы проговорил:

– Значит Ирэн Виленская, – сказал Шувалов и замолчал, потом будто вспомнил что забыл спросить и добавил, – и ты привёз этот плуг и «камни»?

Морозов утвердительно кивнул:

– Едут, к утру следующего дня будут здесь.

– Ну а ты-то чего мчался? – Шувалов не привык оставлять не отвеченных вопросов и его вопросы всегда были «правильными».

– Ричард Уэлсли, – выговорил Морозов, я встретил его на Муромской заставе, он направлялся в сторону Никольского уезда.

Граф Забела вскочил:

– И ты, узнав, что Сухой Ричи едет к ней, оставил её одну?

Даже у Шувалова не возникло вопросов кого граф Андрей имел в виду.

Морозов не ответил, только тяжёлым взглядом посмотрел на Забела.

– Александр Иванович, отпусти меня, я поеду, – Забела вскочил и начал метаться словно раненый зверь.

Шувалову хотелось отказать Андрею, но он понимал, что с такими открытиями Виленскую надо охранять, иначе, если с той что-то произойдёт, ни император, ни империя ему этого не простит.

– Чёрт с тобой, Андрей, езжай, нейтрализуй Ричи, но чтоб никаких амуров, – начальник Канцелярии тайных дел не шутил, и Андрей кивнул, подтверждая, что понял, какой смысл Шувалов вложил в свой приказ.

Этим Шувалов показал, что знает, что не только любовь к родине движет графом и его порывами оказаться в Никольском уезде.

Граф Забела выскочил из кабинета Шувалова и наткнулся на Виленского, который как раз шёл к Шувалову, чтобы договорится об инструктаже для Морозова.

Иногда Андрея Забела заносило, вот что ему стоило сейчас пройти мимо? Нет, он остановил барона и в лоб задал ему вопрос:

– Сергей Михайлович, а ты развод жене дал?

Виленский мрачно взглянул на Забелу, у которого в глазах «мелькали черти». Они давно друг друга знали, и Виленский понимал, что Забела его провоцирует, таков уж он был. И ему бы сдержаться, чтобы стоило проигнорировать неуместный в общем-то вопрос и пройти мимо.

Но вот так вот бывает, один не прошёл мимо и другой не сдержался.

– А тебе-то какая печаль, Андрей? – спросил барон в том же тоне

– А я может жениться хочу, как раз сейчас еду вместо Морозова в поместье к Лопатиным, – было заметно, что граф хочет ещё что-то добавить, но не стал

Виленский потом не смог объяснить, что произошло, чёрная пелена вдруг накрыла его и уже через какое-то время он обнаружил, что их с Забела разнимают Шувалов и Морозов.

Рубахи у обоих были порваны, морды разбиты.

– Хороши! – глядя на мужчин поджав губы сказал Шувалов, – страна на грани войны, а они мордобой во дворце устроили.

И уже обращаясь только к Виленскому продолжил:

– Сергей, ну от тебя-то не ожидал, ладно этот бретёр*, но ты...

(* *бретёр* - *широком значении* — *задира, забияка, скандалист*)

И Шувалов покачал седой головой:

– Идите, приведите себя в порядок и возвращайтесь оба.

И чуть повысив голос, добавил:

– Примирившись!

Морозов, который стоял тут же рядом, утирая расквашенный нос, видимо, ему попало, пока разнимал драчунов, тоже пошёл переодеться и привести себя в порядок.

А в это время в столице продолжался съезд медиков. И Яков Васильевич Виллье уже доложил императору о невероятных успехах, сделанных благодаря методикам доктора Путеева, главы уездной больницы из Никольского. Путеев на этом съезде также представил скальпель, который они с Ириной решили назвать скалпрум* и с этим названием он отдал документы Поликарпу на «привилегию».

(**lat. scalprum* — *нож*)

В этой реальности тоже была латынь, и Ирина предложила Путееву выбрать слово из латыни, означающее резать или нож, и Путеев выбрал. Что удивительно практически попал в то название, которое было принято в прежнем мире Ирины.

Николай Ворсович пришёл на заседание всё с той же свиной кожей, которую разрезал у Ирины, когда впервые взял в руку скальпель. И уже в присутствии именитых докторов со всей страны продемонстрировал возможности нового инструмента.

Те, кто был на этом съезде, почти все были доктора с большим опытом, часто с полевым, в военных условиях. Многие сразу, как и Путеев несколько дней назад, оценили значимость этого инструмента.

Виллье собирался представить Путеева к награде и после совещания у императора сообщил, что его предложение было императором поддержано.

Путеев, пользуясь тем, что Виллье в эмоциональном порыве сказал ему проси, что хочешь, попросил о помощи представить его барону Строганову. Путеев сразу сказал, что хочет попросить руки его дочери.

Виллье, конечно, не ожидал, что просьба будет касаться сватовства, но уж коли пообещал, надо выполнять. Послал своего человека договориться о встрече в доме барона.

Барон был человеком хлебосольным, недаром почти вся соль Стоглавой принадлежала именно ему. Якова Васильевича Строганов уважал и с радостью согласился его принять.

Пока Виллье и Путеев ехали в Кузьминки, в имение Строгановых, Виллье настоятельно рекомендовал Путееву не упоминать о том, что он знаком с его дочерью настолько близко, что приехал просить её руки.

– Вам, Николай Ворсович, сначала надо познакомиться с девицей в присутствии родителей, потом испросить разрешения на ухаживания, и только потом, после того как вы несколько раз с разрешения родителей появитесь на людях, вы можете попросить руки и заключить помолвку.

Имение Строгановых поразило и практически «убило» Путеева. Это было не имение, а какой-то дворцовый комплекс. Вся уверенность, с которой он ехал, думая, что с поддержкой от Виллье, да ещё с открытиями, которые делает Ирэн, он теперь стал значимым человеком, но увидев дворец Строганова, понял, что «принцессу» свою из этого дворца ему будет ой, как сложно «вызволить».

Но сам Строганов Александр Григорьевич ему понравился. Немного грузный, но при этом не растерявший задора, присущего военным, всё ж таки чин генерала-поручика был им заслужен. Крупнейший землевладелец империи встретил их весьма радушно. И всё шло очень хорошо, пока всех не пригласили к обеду и к столу вышла немного бледная Анна Александровна Строганова. Путеев смотрел на неё и не мог насмотреться. Анна казалась ему самым прекрасным видением, что он когда-либо видел. Виллье даже наступил ему на ногу, чтобы Николай перестал пялиться на дочь и включился в беседу.

Строганов расспрашивал, ему всё было интересно, на моменте, что Путеев из Никольского уезда, Александр Григорьевич задумчиво посмотрел на дочь. После обеда Строганов пригласил мужчин в оранжерею и Путеев не выдержал. Как только он представил, что Анна сейчас уйдёт и он больше её не увидит, ему в буквальном смысле перестало хватать воздуха. И позабыв все наставления Виллье, Путеев развернулся к Строганову и выпалил:

– Александр Григорьевич, я люблю вашу дочь и прошу у вас её руки.

Виллье закатил глаза, мать Анны и сама Анна, которые ещё не успели покинуть столовую залу, ахнули. Мать схватила Анну за руку и потянула на выход.

Возникла неловкая пауза.

Лицо Строганова стало жёстким и Путеев сразу понял, что перед ним не добрый дядька, а крупнейший солепромышленник, ворочающий огромными капиталами.

– Николай... – Строганов явно забыл отчество Путеева или сделал вид, что забыл, – я не стану вас допрашивать откуда вы знаете мою дочь, скорее всего вы и есть тот доктор, кто лечил её ногу, и я вам благодарен за помощь и готов оплатить ваши услуги, но сейчас ваше поведение неуместно, я попрошу вас покинуть мой дом.

Потом он перевёл взгляд на Якова Васильевича, развёл руками и произнес:

– Прошу меня простить, Яков Васильевич, надеюсь вы не в обиде.

Так бесславно прошло сватовство доктора Путеева. Виллье, конечно, злился, и на обратном пути выговорил молодому доктору всё, что думал. Но глядя на поникшего Путеева потом пожалел его и сказал:

– Не огорчайтесь, продолжайте делать то, что вы делаете и он сам к вам придёт.

Путеев посмотрел на Виллье, сперва нахмурился, потом чему-то улыбнулся и кивнул. И в глазах его больше не было безнадёжности.

Глава 8.

В трёх вёрстах от столицы. Кузьминки. Имение генерал-поручика барона Александра Григорьевича Строганова.

– Рассказывай, – барон Строганов смотрел на Анну и понимал, что где-то он упустил дочь.

Анна стояла с вызовом глядя на отца.

– Рассказывай, что у тебя с этим доктором? – повторил Александр Григорьевич

Анна понимала, что поступок Путеева выглядит даже не странно, нет, для отца это наглость на грани хамства, и теперь ей надо держать себя в руках, чтобы дать Николаю шанс всё исправить.

То, что Путеев справится, Анна не сомневалась. Зная почти обо всех новинках, что Путеев и Ирэн сделали, Анна верила, что отец сможет понять, наличие титула и капитала в этом случае отодвигается на второй план.

Поэтому Анна спокойно и без лишних эмоций ответила:

– У меня с Николаем Ворсовичем ничего нет. Но, не скрою, мне приятно, что короткое знакомство так поразило его, что он примчался просить моей руки.

Строганов задумчиво поглядел на дочь:

– А ты не думаешь, что его поразило твоё богатство и происхождение?

Анне действительно стало неприятно такое услышать, и она с обидой заметила:

– Вы считаете, что меня нельзя полюбить?

Барон дочь любил, но он знал и том, сколько вокруг непорядочных людей и, как отец, волновался за свою кровиночку.

Как же она не понимает, – думал про себя Строганов, – что этот докторишка мизинца её не стоит, и скорее всего узнав, что она уже на пределе невестиного возраста, нацелился облапошить девицу. Странно, и как Лопатин допустил, что у него в поместье такое происходило, наверняка это всё его шалопутная дочь, Ирэн. Сама без головы и Анну сбила с пути истинного.

А вслух сказал:

– Наоборот, ты у меня красавица и умница и достойна лучшей партии

И всё самообладание, которое Анна копила, улетучилось, стоило ей понять, что вот сейчас, из «лучших родительских побуждений», отец загубит её жизнь.

– Отец, доктор Путеев очень талантлив и на хорошем счету, у него много изобретений, которые и без меня принесут ему капиталы...

Она хотела рассказать про тоноскопы и скалпумы и то, что не нужны ни ей, ни Путееву капиталы отца, но Строганов уже понял, что в голове у дочери влюблённость и она может натворить глупостей и, перебив эмоциональную речь дочери, строго сказал:

– Больше из дома ни ногой! Посидишь пару недель, пока не прояснится с помолвкой с Виленским, а там дальше видно будет.

И обращаясь к супруге, которая молча сидела здесь же, прислушиваясь к разговору мужа с дочерью, приказал:

– Запереть и не выпускать.

Никольский уезд

Вблизи «маркиз де Карабас» оказался высоким, симпатичным мужчиной около тридцати лет. У него было продолговатое, чуть смуглое лицо, твёрдый подборок с небольшой «испанской» бородкой, взгляд открытый и умный, что сразу подкупало. Нос крупный «орлиный», но удивительно тонко очерченный. Мужчина отличался удивительной изящностью для такого

роста, движения его были плавными, и Ирине он напомнил леопарда, такой же поджарый, крадущийся и опасный.

– Лорд Ричард Уэлсли, маркиз, – изящно поклонившись и даже помахав снятой шляпой с большим пером, представился ... маркиз

Ирина подумала, что в этой реальности у неё сильно развилась интуиция, раз она уже титулы на расстоянии определяет.

Рядом с Ирэн находился отец, который и представил Ирину, после представился сам.

Маркиз Уэлсли рассказал, что он едет в Никольский уездный город. Кстати, говорил маркиз на хорошем русском языке, слегка смягчая шипящие согласные, как будто родной язык для него был португальский. Ирина не знала есть ли в этой реальности португальский язык, но было очень похоже. К сожалению, этикет не позволял сразу вступать в разговор и выпрашивать такие подробности.

Леонид Александрович уточнил по какому вопросу маркиз едет в город, на что лорд Уэлсли открыто сказал, что его интересует контракт на спички. Пожаловался, что, к сожалению, через агентов ему не удалось договориться и он рассчитывает, что при личной встрече это будет возможно.

Ни Лопатин, ни Ирина не подали и виду, что имеют какое-то отношение к этому продукту. Леонид Александрович, как заправский тайный агент посоветовал обратиться к наместнику, решив, что тот уж точно разберётся что можно говорить, а что нельзя.

Уже потом, когда они с Ириной обсуждали маркиза и его неожиданной появление, решили, что маркиз был достаточно честен и скорее всего действительно не знал про то, что Лопатины имеют отношение к спичкам. Но на всякий случай Лопатины решили проявить осторожность в общении с иностранным подданным.

Ирина же, как женщина, оценила галантность и воспитание маркиза. Он не делал пошлых намёков, не грубил, и не смотрел оценивающе. Всё в нем выражало глубочайшее уважение и чуточку восхищения красотой встретившейся ему женщины.

Почему-то Ирине было приятно, с ним общаться. В отличие от графа Забелы, который всем своим видом выражал недовольство и презрение, или Якоба, который был иногда слишком прямолинеен, маркиз тонко чувствовал, что надо сказать и не говорил, и не делал лишнего. Либо он прекрасно себя контролировал, либо действительно был весьма хорошо воспитан и тем приятен.

На следующий день Лопатины получили приглашение на обед к наместнику Гайко. Отчего-то Ирине хотелось выглядеть хорошо. Она понимала, что приглашение скорее всего связано с иностранным гостем. Он ей понравился тем, что был не по-здешнему необычен и ненавязчив. Хотелось ему понравиться.

До встречи с лордом Уэлсли ни один мужчина пока не вызывал в Ирине влечения. У неё была хорошо развита эмпатия* и она обычно чувствовала, как к ней на самом деле относятся. В случае с маркизом Уэлсли она ощущала, что интересна ему, но не как какой-то предмет непонятого происхождения, а так будто он хотел узнать, что она за человек, в то же время отдавая дань, что она красивая женщина.

*(*Эмпатия — это способность почувствовать и понять эмоции других людей. Эмпатичная личность может поставить себя на место другого человека и понять то, что он ощущает: грусть, радость, печаль, боль. Эмпатия позволяет проявлять заботу и сочувствие к другим людям, лучше взаимодействовать и строить отношения с окружающими.)*

Маркиз Уэлсли тоже собирался на обед к наместнику, и тоже хотел понравиться Ирэн. Непросто так никто не мог поймать Сухого Ричи. Он был очень умён и очень талантлив. Настолько вживался в каждую роль, что мог убедить даже самого себя в том, что то, что он делает является правдой. Вот и сейчас он действительно верил в то, что приехал заключать контракт, по пути встретил красивую женщину, которая ему интересна. Конечно, он знал,

что Лопатин стоит за изобретениями, но также до Бротты доходили слухи, что и дочь Лопатина связана с появлением этих новинок. И он должен был сделать всё, чтобы Ирэн «потеряла голову». В лучшем случае предполагалась даже женитьба и отъезд с супругой из Стоглавой, если не получится с женитьбой, то ему нужны были формулы.

Как опытный шпион, Ричард не мог не заметить, что ему удалось произвести хорошее впечатление на Ирэн.

– Надо бы постараться узнать, чем она интересуется, – думал Уэлсли, собираясь и оглядывая себя в зеркале. Он был весьма эрудирован и поддерживать любую тему не составляло для него труда. Его талант также заключался в том, что он становился для людей самым близким человеком, потому что умел вызывать доверие. Скорее всего он тоже, как и Ирина обладал высоким уровнем эмпатии.

На обед к наместнику также был приглашён и Голдеев с супругой. Обед проходил в весьма дружеской обстановке. Единственное, что немного омрачило настроение Ирины было то, что Мирослав Мирославович при встрече, отвёл их с отцом в сторону и предупредил, чтобы были аккуратнее с информацией, потому как маркиз подданный Бротты и он, конечно, представил все бумаги, что является честным негоциантом, но проверить надо. Наместник отправил запрос в Канцелярию тайных дел, но ответа пока не получил.

После обеда прошли в музыкальную гостиную, где дочери наместника Гайко сыграли на клавесине. Причём сыграли хорошо, Ирине понравилось, а девушки краснели, когда получали комплименты от симпатичного иностранца. И как-то так получилось, что у Ирины с маркизом завязался разговор о литературе. Оказалось, что в этой реальности тоже есть свой Байрон* и маркиз Уэлсли с ним знаком.

(Джордж Гордон Байрон, 6-й барон Байрон, лорд Байрон. Английский поэт-романтик и пэр, покоривший воображение всей Европы своим «мрачным эгоизмом»)

Ирина обожала Байрона и когда Уэлсли взялся декламировать Байрона в оригинале, Ирина вспомнила эти строки и была поражена, что и английский язык в этой реальности практически тот же, что и в её мире:

Thus much and more; and yet thou lovs't me not,
And never will! Love dwells not in our will
Nor can I blame thee, though it be my lot
To strongly, wrongly, vainly love thee still.*

*(*Вольный перевод автора:*

*Мне много и того, что ты меня не любишь
И не полюбишь никогда! Заставить полюбить нельзя
За нелюбовь я не виню тебя, но мой удел
Любить тебя так сильно, как и тщетно)*

Умел маркиз Уэлсли найти и затронуть те струны в душе женщины, на которые ей хотелось откликнуться. Так, рассуждая об английской литературе, а здесь это была Броттская литература, Ирина и не заметила, что они с маркизом оказались вдвоём, отойдя на приличное расстояние от дома, выйдя в сторону сада, расположенного на заднем дворе. И неизвестно, чем бы закончилась эта прогулка, но в этот момент прибежал слуга с просьбой к лорду Уэлсли вернуться в дом и пройти в кабинет наместника для обсуждения коммерции.

Если бы в этот момент Ирина наблюдала за сменой выражений лица маркиза, то вероятно бы заметила крайнее недовольство, что слуга помешал такому прекрасному моменту единения. Ведь Ирине уже так хотелось продолжать говорить с маркизом на разные темы, а у того уже были подготовлены вопросы о том, чем женщине нравится заниматься. И неизвестно что Ирина в таком «возвышенном» состоянии могла наболтать.

Уже потом, анализируя своё поведение, Ирина не могла себе объяснить откуда вдруг взялся такой высокий уровень доверия к маркизу. Скорее всего потому, что маркиз умело «давал» информацию, чтобы её получать. Ведь, в сущности, как ещё можно быстро завоевать доверие? Просто! Дай информацию, чтобы получить информацию.

Во время обеда Ричард Уэлсли так восхищался столовыми приборами из чёрнёного серебра, что ему удалось выяснить, что эту красоту делают здесь в Никольском уезде, а ювелирная мастерская расположена в поместье Лопатиных. И, конечно же маркиз напросился в гости.

Ирина посмотрела на наместника. Тот еле заметно кивнул, и Леонид Александрович подтвердил приглашение для лорда Уэлсли на завтра на обед.

Глава 9.

Короткая интерлюдия

Пару недель назад Дом князя Ставровского

Жозефина приехала обратно от барона Виленского и первое что она сделала, это написала записку своему любовнику графу Балашову.

А почти в то же время, когда барон Виленский находился между жизнью и смертью, лёжа без движения в гостевых покоях Кремля, князь Ставровский получил записку от Чарльза Уитворта. Лорд Чарльз писал, что леди Бейкер необходимо отправить из столицы, но сделать это таким образом, будто она сама решила уехать. И тогда князь приказал доверенному слуге помочь ему разыграть сцену, чтобы леди могла «услышать» то, что ей якобы не предназначалось.

Так леди Бейкер получила информацию, что барон Виленский при смерти и она подозревается в его отравлении. Остальное сделали люди тайной службы Бротты.

Но как мы уже знаем, история Фриды Бейкер на этом не закончилась. После смерти она вдруг стала важной подданой, из-за которой барона Виленского стало невозможно отправить с миссией в Ханидан, чтобы как можно скорее погасить возникший там конфликт, а ему самому пришлось уехать из столицы.

На Симбирском тракте. По дороге в Никольский уезд.

Граф Андрей Забела и барон Сергей Виленский выехали из столицы одновременно. Барон был вынужден остановиться на первой почтовой заставе, у его кареты сломалась ось. Граф Андрей, заметив, что барон свернул с дороги, тоже отправил карету с вещами на заставу, а сам пересел и помчался верхом, рассчитывая опередить Виленского и прибыть раньше.

У барона тоже была мысль отправиться верхом, он устал от загадок из Никольского и очень хотел пообщаться с супругой. Что-то происходило там, что он никак не мог объяснить. Но, увидев, что карета графа свернула в сторону заставы, решил, что если он сейчас поедет верхом, то это будет неуместно.

Бедолага барон, он не понимал, что в любви, каждый сам за себя и чувство справедливости здесь совершенно лишнее. Что в жизни справедливо? Ничего! Нет в жизни справедливости и тем более нет её в борьбе за любовь.

И пока барон маялся на заставе, недоумевая отчего Забела не спускается в общий зал, граф Андрей уже уехал и скорее всего его уже было не догнать.

На этот раз Андрей не собирался заезжать в уездный город, он торопился сразу в поместье Лопатиных.

А Лопатины готовились к приёму лорда Ричарда Уэлсли. Ирина инструктировала Павла, что можно говорить сладкоречивому лорду, а что нельзя.

Сама же, накануне вечером, когда они с отцом вернулись из города и Ирина уже готовилась ко сну, вспоминала, как словно сопливая девчонка, поддалась невольному очарованию харизматичного иностранца. Даже наедине с собой у ней покраснели щёки, потому как Ирина действительно испытала влечение к этому мужчине. Перед сном, целуя на ночь Танюшу в тёплую макушку, Ирина осознала, что всё это крайне неуместно в её ситуации. Умом она понимала, что, в сущности, ещё очень молодая женщина и здоровые инстинкты ей не чужды, и также реально оценивала себя с точки зрения этой реальности. Для большинства мужчин здесь она не молода и не так уж и красива, а уже чего говорить о репутации...

Будет интересно узнать, какую информацию получит наместник об этом лорде-негоцианте. Хотя для коммерции такой характер и нужен, такие обаятельные люди очень хорошо умеют продавать, ну и покупать, наверное, тоже.

Весь романтический настрой Ирины схлынул, стоило ей вспомнить допрос графа Забелы и мыли потекли в другом направлении:

— А что если этот Ричард и вправду шпион, а мы здесь люди простые, кто-нибудь случайно проговорится или не дай бог, он что-то увидит и что тогда? В Алексеевский равелин*? Интересно, а куда здесь сажают дворян?

*(*Алексеевский равелин — западный равелин Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге. В 1769 г. в равелине была сооружена деревянная тюрьма, которая в 1797 г. была заменена каменной тюрьмой на 20 камер — «Секретным домом». Среди заключённых равелина — декабристы, петрашевцы, народовольцы)*

Стоило вспомнить про графа Забелу и всё очарование Ричарда Уэлсли было забыто.

С утра, ещё до завтрака, Ирина побежала инструктировать Павла. Решили убрать всё, что могло хоть как-то указать на используемые для чернения материалы, и всех, кто отличался особой болтливостью. Павел проникся и после ухода Ирины, решил вообще к обеду отпустить всех своих учеников, чтобы не рисковать. Вдруг этот барин-иностранец начнёт их расспрашивать. В себе-то Павел был уверен, чего нельзя сказать об остальных.

На всякий случай с Тимофеем тоже была проведена беседа, и немного успокоившаяся Ирина пошла завтракать.

Лорд Уэлсли прибыл точно к трём часам пополудни. С собой он привёз огромный букет розовых роз. Ирина уже видела такие однажды. Путеев приезжал с таким же букетом в тот день, когда увезли Анну.

Интересно, — подумала Ирина, — это где-то в Никольском выращивают? Уж больно свежие, как будто только срезали.

Но по недовольному виду отца поняла, что с цветами* что-то не так. Ричард Уэлсли тоже обратил внимание на реакцию Лопатина и так как в холле стояла и Глаша вместе с Танюшей, быстро сориентировался и с показным восхищением, припав на одно колено, преподнёс букет Танечке.

*(*Розовые розы являются символом влюбленности, симпатии и восхищения. Это прекрасный подарок на первое свидание.)*

Танюша хохотала, ей явно понравилось получать цветы от такого весёлого дяди. Уэлсли взглянул на Леонида Александровича, тот одобрительно кивнул.

— Вот же гад сообразительный, — с восторгом глядя, как увлечённо Танюша обдирает бутоны, подумала Ирина. Розы было жаль, но теперь букет был Танечки и ей решать, что с ним делать.

Долго тянуть не стали, все были голодны и сразу прошли в столовую. По пути в столовую и потом, когда присели за стол, лорд Ричард восхищался домом и помещьем, и потом кухней. Ел маркиз хорошо и... красиво. Длинные тонкие пальцы изящным движением, ничего не уронив, держали столовые приборы из чёрнёного серебра. Конечно, лорд ещё раз высказал восхищение и формой приборов, как вы помните Ирина ввела в обиход вилки с четырьмя зубьями, и красотой.

После обеда было решено пройтись на ювелирное производство.

Уэлсли восхищённо осматривал ювелирную мастерскую, особенно его заинтересовали заготовки под тоноскопы. Павел сначала настороженно разговаривал с гостем, но через какое-то время Ирина поняла, что и Павел попал по невозможное обаяние лорда Ричарда.

— Интересно. Что творится в голове у лорда, выглядит искренне заинтересованным, — размышляла Ирина

А лорд Уэлсли в это время лихорадочно думал о том, сколько предложить этому огромному парню совершенно непохожему на ювелира, чтобы тот уехал с ним в Бротту или «поделился» информацией о том, как делают такую красоту.

Лорд видел, что Павел гордится тем, что он делает, и умело подводил разговор к возможным амбициям молодого ювелира. Лорду было невдомёк, что Павел настоящий художник, хотя он и выглядит как кузнец, и ему не нужны магазины в столице или международная слава, ему хотелось находиться именно здесь возле Ирэн, потому, как только у неё в голове рождались такие идеи, которые он, Павел, мог воплотить первым.

Ирине было неловко ходить вместе с Павлом и Ричардом, поэтому она попросила отца их сопровождать, но к отцу приехал староста из Кротовки, и он был вынужден отойти.

В результате, так и не добившись от Павла нужного отклика, лорд Уэлсли накупил всего, что только можно, несколько наборов столовых приборов, большую серебрянную тарелку с видом столицы Стоглавой империи, браслеты, кулоны. Даже взял несколько тоноскопов из числа тех, что не были сделаны на заказ.

Лорд продолжал восхищаться мастерством, а в его голове зрел план, что если не удастся узнать технологию чернения за деньги, то придётся организовывать похищение ювелира. Конечно, лорд был против таких методов, но главное же – результат!

Так как Лопатин ещё не вернулся, пришлось Ирине провожать лорда из ювелирной мастерской. Они шли по дорожке, дорожка была не очень широкая и поэтому создавалось впечатление, что они идут, касаясь друг друга плечами.

А в это время в ворота въезжал граф Андрей Забела. Ирине и лорду Ричарду было плохо видно ворота, тем более что они были увлечены беседой, Чарльз продолжал развивать тему своего знакомства с загадочным лордом Байроном, и Ирина слушала, потому что это была большая удача, ведь о жизни «мрачного романтика» ходило столько слухов, но никто не мог сказать, что из этого правда, а что выдумка. Одно только история о его расставании с женой и дочерьми всего через год после бракосочетания*, стала тайной, которую не была разгадана и после смерти поэта. Все считали виноватым Байрона, что это он совершил что-то настолько ужасное, что привело к такому, но что же на самом деле?

*(*реальное событие, прим. автора)*

А вот графу Забела было хорошо видно, идущую по узкой дорожке парочку.

Грязный, уставший с дороги, всю дорогу мучившийся мыслями о том, что с Ирэн что-то могло произойти пока рядом никого не было, кроме её недотёпы отца. Что он видит? Ирэн в красивом платье, в теплых лучах весеннего солнца прогуливается чуть ли не под ручку с лордом Уэлсли, прижимаясь к нему плечиком.

А что, если его подозрения оправданы, и она давно знает маркиза, вон как внемлет, с блаженным выражением на лице. Мысли графа чернели с каждым мгновением, что он наблюдал за медленно бредущей к дому парочкой.

Он бросил поводья подошедшему солдату, который уже подозвал конюха и тоже направился к дому.

Они пересеклись возле ступеней и Ирэн, будто очнувшись посмотрела на графа, и испуг так явственно отразился у неё на лице, что это ещё больше подтвердило подозрения графа.

— Все бабы одинаковы, а эта в особенности, мужа бросила, и теперь вот кокетничает со шпионом, — про себя подумал Андрей, молча разглядывая Ирэн и её спутника.

Никто не начинал разговор первым, Забела считал себя выше маркиза, — что нам в Стоглавой этот маркиз, подумаешь королевская кровь. А маркиз совершенно оправданно считал, что представляться первым, значит сразу поставить себя в защитную позицию, а то, что Забела его соперник, это Ричард увидел сразу, ещё когда заметил графа, стоявшего возле ворот и с мрачным выражением на лице рассматривавшего как они с Ирэн шли по дорожке. Уэлсли даже

специально пониже наклонялся к Ирэн, рассказывая о Байроне, чтобы посмотреть на реакцию графа Забелы, которого сразу узнал.

И неизвестно чем бы закончилось это противостояние, но к облегчению Ирэн, двери распахнулись, выпуская Леонида Александровича, который и представил графу Ричарда, а Ричарду графа.

Забела безо всяких реверансов, зло посмотрев на Ирину, отрывисто сказал:

— Я вас буду ждать в кабинете через час, извольте подойти.

И после этих сказанных совершенно оскорбительным тоном слов, прошёл в дом, откуда вскоре слышались его приказы слугам.

Дорогие Читатели!

Спасибо огромное, что остаётесь со мной и героями книги!

Книга получила от вас высокую оценку, а я как автор высочайшее доверие.

Это очень ценно для меня!

Ваша Адель.

Глава 10.

Забела думал о том, что Ирэн прежде всего важна для государя, и не важно, что она представляет из себя как женщина. Но отчего-то он никак не мог успокоиться. В мыслях то и дело проносилось, что она лживая, распутная... нежная, умная...

Нет, это было совершенно невозможно. Да ещё и этот огромный розовый букет, стоявший на самом видном месте. Совсем стыд потеряла, куда смотрит Лопатин?

Если бы Ирина знала, что уставший Забела никак не может взять под контроль эмоции, то она вряд ли пошла бы к нему одна. Но ей казалось, что он всё неверно понял, когда увидел её вместе с лордом Ричардом. И она подумала, что теперь граф точно уверен, что она поддерживает контакты с Броттой. Поэтому ей хотелось всё ему объяснить спокойно, не втягивая отца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.